

Мотрошилова Н.В.

профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; главный редактор журнала «Историко-философский ежегодник».

E-mail: motroshilova@yandex.ru.

История философии в системе Гегеля

Аннотация. Статья посвящена подробному исследованию историко-философской концепции Гегеля, обсуждаются все основные проблемы, связанные с ее становлением и изменением: датировка гегелевских «Лекций по истории философии», проблемы, связанные с записями лекций К.Л. Михелетом; отдельно обсуждается «Предисловие» Гегеля к лекциям по истории философии 1816 г. Автор статьи исследует такие вопросы, как понятие истории философии, начало философии и ее истории, периодизация и источники истории философии, поставленную Гегелем проблему отличия философии от других видов духовной деятельности. Рассматривается гегелевский анализ немецкого философского идеализма. Обсуждается место истории философии в гегелевской системе философских дисциплин, автор анализирует беспрецедентную разветвленность разработки и реализации системных принципов в философии Гегеля. В статье показано, что история философии дисциплинарно включена в одно из больших звеньев системы Гегеля – в раздел «философия», включенный в рубрику «абсолютный дух». Об огромной теоретической и культурной роли истории философии говорит то, что раздел «абсолютный дух» не просто завершает, а увенчивает все гегелевское системное построение, соответственно, и история философии является вершиной системного «организма» философских дисциплин. Гегель ставит философию, а в педагогическом плане именно ее историю, выше искусства и даже выше религии.

Ключевые слова: история философии, Гегель, Михелет, начало философии, периодизация истории философии, система философских дисциплин.

I. Становление и изменение учения Гегеля об истории философии

Согласно исследованиям историков философии, превращение в первой половине XIX в. истории философии в относительно самостоятельный предмет университетского образования в Германии было одной из личных заслуг Гегеля. У Гегеля на этом поприще, конечно же, были предшественники, например, создатели историко-философских компендиумов. Авторами наиболее известных и солидных компендиумов предшествующего периода были Якоб Брукер (Jacob Brucker, 1742–1744, – «Historia critica philosophiae») и Вильгельм Готтлиб Теннеман (Wilhelm Gottlieb Tenneman, 1798–1819, – 12-томная «Geschichte der Philosophie»). Полагаю, Гегеля подобный жанр не привлекал изначально; он не собирался разрабатывать конкретную фактографическую и описательную историю философии. Он стремился создать свою необычную теоретическую историко-философскую концепцию, в идеале органично встроенную в его постепенно формирующуюся философскую систему.

Крупнейшие философы XVIII–начала XIX вв. в большинстве своем осуществляли отдельные историко-философские разработки. Это хорошо известно и в каждом случае, казалось бы, подробно проработано. Но нам необходимо присмотреться к историко-философскому материалу, унаследованному поколением Гегеля, более пристально.

Так, И. Кант ввёл в «Критику чистого разума» рубрику «История чистого разума», однако в самом её начале написал: «Это название нужно здесь для того, чтобы обозначить место, которое *остатётся в системе и должно быть заполнено в будущем*» (KGV B800 – курсив мой, Н.М.)². Одним словом, сама необходимость создания историко-философского раздела в *системе* философских знаний была осознана задолго до Гегеля.

При этом, однако, такие разработки ещё не имели сколько-нибудь прочного статуса необходимых разделов философии и не вылились в создание специальной дисциплины, обретшей полные права в корпусе академического, т. е. в то время университетского преподавания.

¹ Данная статья была впервые опубликована на английском языке в качестве главы в книге: Motroshilova N.V. History of Philosophy in Hegel's System // The Palgrave Hegel Handbook / Ed. by Marina F. Bykova and Kenneth R. Westphal, Palgrave Macmillan, 2020. P. 485–517.

² Кант И. Соч. на немецком и русском языках. Т. II. Кн. 1. Критика чистого разума. М.: Наука, 2006. С. 973–975. Ссылки на «Критику чистого разума» (Kritik der reinen Vernunft – KGV) даются по второму немецкому изданию (B).

Хотя место для истории философии в системе философских дисциплин как бы уже готовилось, разработка теоретико-методологических принципов истории философии, что позволило бы ей стать особой наукой в корпусе дисциплин университетского преподавания, далеко отстояла от спорадически появлявшихся отдельных повествований о философах прошлого и их идеях (а они подчас были достаточно конкретными по материалу и деталям). Встречались в трудах философов также отдельные обобщения и классификации, например, ставшее ходячим в философских трудах и воспроизводимое Кантом в «Критике чистого разума» деление философов на философов-«сенсуалистов» и «интеллектуалистов» (рационалистов) (KGV B881). Но сам Кант считал подобные обобщающие схемы в лучшем случае заготовками для будущей дисциплины, которая осуществит историческое осмысление развития философии на специально разработанных теоретических и методологических основаниях.

Существенно важным в социально-историческом контексте был тот факт, что до Гегеля и даже в ранний период его профессиональной деятельности история философия, в сущности, ещё не входила в корпус наук, ставших в Германии устойчивой частью университетского преподавания.

И как раз Гегель был одним из тех мыслителей, которые начали активно разрабатывать и продвигать историю философии в университетскую педагогическую практику. Он делал это постепенно, но последовательно и упорно, добившись к концу своей внезапно оборвавшейся жизни впечатляющих результатов.

История философии в составе учения Гегеля входит в число тех философских дисциплин, по которым им самим не было создано основополагающих источников – солидных книг, сравнимых, скажем, с «Наукой логики» или «Философией права» и (или) с соответствующими разделами «Энциклопедии философских наук». Преимущественной формой их разработки как раз и стали лекции, которые, вместе с тем, были регулярными и систематическими, как в смысле их достаточно развернутой, строгой разработки, так и в конечном счете – органической включенности в целостную систему. Отсюда дополнительные серьёзные трудности, связанные в ту пору с чтением университетских лекций и особенно с передачей их содержания следующим друг за другом поколениям. Применительно именно к лекциям выдающихся мыслителей прошлого существует важнейший вопрос о том, в какой именно форме те или иные источники, запечатлевающие их идеи “с подлинным верно”, становились достоянием

современников и потомков. В самых лучших случаях наличествуют и бывают сохранены историей “*первичные источники*”, т. е. тексты курсов или внятные наброски самих философов к своим лекциям. К сожалению, такие *первоисточники* и создавались, и сохранялись редко. Само собой разумеется, на протяжении всей многовековой истории философии, включая XIX в., не было никаких звуко- и видео-записывающих устройств, хотя бы отдаленно сравнимых с современными. Можно было бы подумать, что ситуация с воспроизведением любых лекций, включая гегелевские, тогда должна была стать полностью безнадежной.

К счастью, этого не произошло, потому что в студенческих аудиториях всего мира даже и в отдаленные времена, во-первых, встречались особо одаренные, заинтересованные, восприимчивые к содержанию читаемых лекций студенты и другие слушатели. Во-вторых, они подчас были знакомы с современными им системами скорописи и(или) вырабатывали таковые для своей работы. И подобных студентов, слушателей в наиболее благоприятных случаях оказывалось двое-трое (иногда – больше), так что можно было сравнивать разные записи, использовать их как взаимодополнительные. Так возник существенный именно для лекций жанр *вторичных источников*. В истории философии выработалась особая *культура использования вторичных источников*, сравнения и кумуляции их, объединения с редкими, драгоценными собственноручными набросками философов-лекторов. Историки философии всегда учитывают, что с течением времени (иногда через десятилетия и даже века) могут отыскаться новые второисточники и тем самым порою существенно изменить исходную основу, на которой покоились в каждый исторический момент знания о том или ином философском учении. Далее сначала будет кратко рассмотрен вопрос о том, когда и где Гегель читал историко-философский курс, т. е. о датировке его историко-философских лекций. Здесь фигурируют точные хронологические данные. Затем мы снова обратимся – теперь уже конкретно – к вопросу об источниках, по которым ранее изучались и изучаются сегодня интересующие нас историко-философские лекции.

Датировка гегелевских лекций по истории философии

Гегель достаточно рано, ещё в Йенском университете, начал читать курс лекций по истории философии. В первый раз это произошло в 1805/1806 гг. Затем был длительный исторический период, когда – в силу жизненных обстоятельств – Гегель был лишен возможности

преподавать в университетах. Но потом он снова вернулся к преподавательской деятельности. И тогда лекции по истории философии (наряду с другими курсами) были возобновлены.

Гегель достаточно рано, ещё в Йенском университете, начал читать курс лекций по истории философии. В первый раз это произошло в 1805/1806 гг. Затем был длительный исторический период, когда – в силу жизненных обстоятельств – Гегель был лишен возможности преподавать в университетах. Но потом он снова вернулся к преподавательской деятельности. И тогда лекции по истории философии (наряду с другими курсами) были возобновлены. Важно, что Гегель в более поздние, именно университетские периоды своей жизни, читал лекции по истории философии более регулярно, чем другие курсы (исключая лекции по метафизике и логике). А именно, он после перерыва в 10 лет прочел следующие систематические курсы лекций по истории философии³:

- в Гейдельбергском университете: 1816/17 и 1817.
- в Берлинском университете:
 - летний семестр 1819;
 - зимний семестр 1820/21;
 - зимние семестры 1823/24; 1825/26; 1827/28;
1829/30; 1830/31.

В зимнем семестре 1831/32 гг. он начал читать именно историко-философские лекции, которые были прерваны незадолго до смерти философа. К.Л. Михелет заканчивал читать этот курс лекций вместо внезапно умершего учителя.

Проблемная ситуация с записями К.Л. Михелетом гегелевских лекций по истории философии

Противоречия и трудности, которые по-своему типичны при использовании вторичных источников лекционных курсов, четко прослеживаются как раз в случае записей гегелевских лекций по истории философии. Их впервые и в наиболее полном виде записал, потом издал ученик Гегеля, постоянный слушатель его курсов по истории философии Карл Людвиг Михелет (Karl Ludwig Michelet, 1801–1893), специалист по праву и, что особенно существенно, историк философии. Опубликованы они были в рамках Собрания сочинений Гегеля,

³ См.: Jaeschke W. Hegel-Handbuch. Leben–Werk–Wirkung. Stuttgart; Weimar, 2003. S. 477.

которое стало выходить через год после смерти философа и было закончено в 1845 г. Осуществлено оно было при содействии «Объединения друзей покойного»⁴. Это издание факсимильно воспроизводилось ещё и в XX в. в так наз. «Юбилейном издании» сочинений Гегеля (1927 г. и далее); его издателем был известный гегелевед Герман Глокнер.

В результате всех изысканий и споров, в том числе нам современных, сложилось такое общее положение с источниками, а также отношение к текстам, изданным Михелетом.

1. Полностью надежных и принадлежащих самому Гегелю *первоисточников* к его лекциям по истории философии, увы, для потомков не сохранилось; да их, возможно, было очень мало.

2. При учете критики в адрес записей Михелета существенно то, что суждений о принципиальной их непригодности высказано не было. Если бы записи были полностью неадекватны самому гегелевскому курсу, то в связи с их опубликованием в 30-х гг. XIX в. (когда Гегеля уже не было, но когда жили немалочисленные его ученики и другие слушатели тех же лекций) можно было бы ожидать их решительных протестов. Таковых не было (или их не удалось обнаружить).

В целом, с учетом всех трудностей и противоречий, можно присоединиться к выводу директора Гегелевского архива в Бохуме Вальтера Йешке (и, кстати, критика записей Михелета): «Поскольку нет гегелевских рукописей, упомянутым томам «Издания друзей покойного» *принадлежит непреходящая ценность источника...*»⁵ – разумеется, при учете новых коррекций и дополнений.

А вот с первоисточниками, т. е. с какими-либо материалами самого Гегеля к интересующим нас лекциям, дело обстоит плохо. Когда лекции начались в Йене, существовала, по свидетельству К. Михелета, «только Йенская тетрадь, собственноручно написанная или стилизованная Гегелем; тогда он ещё не отваживался целиком доверяться своему устному изложению»⁶. Согласно Михелету, мог существовать также созданный Гегелем в Гейдельберге «Краткий очерк истории философии» (*Kurzer Abriss der Geschichte der Philosophie*). Но вот этот первоисточник, если он когда-то наличествовал, никто, включая Михелета (!), не видел⁷. Что касается Йенской

⁴ *Hegel G.W.F. Sämtliche Werke / Vollständige Ausgabe durch einen Verein von Freunden des Verewigten, 1832–1845.*

⁵ *Jaeschke W. Hegel-Handbuch. S. 478 (курсив мой. – Н.М.)*

⁶ *Michelet K.L. Vorrede // Hegel G.W.F. Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Erster Band. Leipzig, 1971. S. 63.*

⁷ *Jaeschke W. Hegel-Handbuch. S. 477.*

тетради, то Михелет создал впечатление, что он, первоначально подготавливая свои записи для печати, (будто бы) держал в руках эту тетрадь. Но и он, тем не менее, её... не использовал. Почему же?

Сам Михелет дал достаточно убедительный ответ на этот вопрос. Когда он обдумывал, прибегать ли к помощи «Йенской тетради», то должен был учитывать, что *после Йены сам Гегель именно ею ни разу не воспользовался*. И ученик (как издатель) счел необходимым последовать примеру учителя. Главным соображением было то, что «убеждающая сила в более поздних вариантах Введения, постоянно дорабатываемых, была предпочтительнее. Возможно, более половины вводной части составляли написанные, а не устно произнесенные фрагменты, что относится и к Введению в античную философию»⁸. Поэтому ему как издателю, писал Михелет, «оставалось внести в текст (своих записей – Н.М.) лишь незначительные исправления»⁹.

Объективно сложилось такое положение: поскольку само существование «Йенской тетради» Гегеля не нашло (пока, во всяком случае) подтверждения, тем более проблематичными были бы любые ссылки на её содержание.

По сложному вопросу о том, как уже в наши дни (после неоднократных в истории гегелеведения обсуждений) авторитетные исследователи рекомендуют относиться к базовой работе, осуществленной в первой половине XIX в. К.Л. Михелетом, снова предоставляю слово Вальтеру Йешке. Оценивая положение с источниками (*Überlieferungslage*), Йешке обнаруживает сходные трудности и применительно к другим курсам гегелевских лекций, например, по эстетике. Правда, о лекциях по эстетике Йешке писал до того, как в последние десятилетия XXI в. неожиданно обнаружили новые второисточники, относящиеся к этим лекциям Гегеля. Подобных изменений применительно к записям лекций по истории философии (пока) не произошло.

Вместе с тем, Йешке справедливо напоминает о – пусть весьма немногих – возможных дополнениях и к историко-философскому курсу. Что он здесь имеет в виду? Следует учесть, что ряд дополнений, на которые указывает Йешке и другие авторы, сделал уже сам К. Михелет, одновременно обращая внимание на возникающие и при этом проблемы. В тех случаях, когда Михелет (предположительно) еще мог держать в руках – очень редкие – подготовительные заметки самого Гегеля, проблемы не только не устранялись, а, наоборот, нагромождались.

⁸ *Michelet K.L. Vorrede. S. 65.*

⁹ *Ibid.*

Йешке свидетельствует, что по отношению к «Введению» к лекциям по истории философии (как оно отображено Михелетом) были уже впоследствии сделаны дополнения в виде некоторых фрагментов и отрывков из записей, принадлежащих другим авторам. «К этому (берлинскому) времени относятся – отмечает В. Йешке, – два сохранившихся фрагмента из «Введения» – 1820/21, 1825/26 гг., а также по крайней мере один Kolleg с записями нескольких слушателей»¹⁰. Это материал – совсем небольшой и специальный, поэтому мы не будем его рассматривать¹¹. Нельзя, впрочем, не учитывать, что новые корректирующие материалы тоже подвергались критике с точки зрения их достоверности.

Некоторые гегелеведы также рекомендуют учитывать или даже ставить на первое место перед лекциями опубликованные самим Гегелем (одновременные лекциям) книжные тексты. Например, говорится о целесообразности судить о самом раннем (йенском) историко-философском курсе Гегеля, учитывая его историко-философские рассуждения в «Феноменологии духа». И это в общем и целом оправдано; ценна сама идея о сопоставлении более поздних курсов с историко-философскими вкраплениями других, опубликованных уже самим Гегелем его произведений. Так, «Наука логики» содержит глубоко проработанный – в отношении логики и метафизики – историко-философский материал, причем по сути в каждом теоретическом разделе этого великого произведения. И все же, считаю, не надо впадать в другую крайность, совсем не доверяя записям Михелета или произвольно обращаясь с этим источником. Ведь любому ученому, имеющему опубликованные работы и читающему лекции по тем же (или другим) темам, вполне ясно: в самом живом лекционном процессе рождаются – и более чем вероятно, рождались у Гегеля – свежие идеи, повороты мысли, концептуальные решения, содержательные акценты, пробужденные актуальными запросами времени, общением с новыми слушателями, вдохновением и т. п. А значит, свидетельства Михелета, действительно присутствовавшего там и тогда, где и когда Гегель в разные годы читал свой курс, нельзя не принимать во внимание (разумеется, с достоверными уточнениями и дополнениями).

¹⁰ См.: *Jaeschke W. Hegel-Handbuch*. S. 477.

¹¹ Упомянутые Йешке материалы имеются в следующем издании: *Hegel G.W.F. Vorlesungen. Ausgewählte Manuskripten und Nachschriften*. Bd. V. Hamburg, 1983. Далее при цитировании издания: G.W.F. Hegel, GA (Gesamte Ausgabe) римской цифрой приводится номер тома, арабской цифрой – номер раздела и номера соответствующих страниц.

II. Предисловие Гегеля к лекциям по истории философии (28 октября 1816 года)

Выделим в тексте, к которому (в редакции Михелета) современные специалисты-гегелеведы относятся с определенным доверием, основные проблемно-тематические блоки и главные идеи Гегеля.

1. Возобновляя после перерыва в десять лет уже в Гейбельдерге (а потом, как вытекает из записей Михелета, в целом повторяя это Введение уже в Берлинских лекциях 1819/20, 1823/24, 1825/26, 1927/28, 1829/30, 1830/31 гг.), Гегель исходил из убеждения, что к середине 10-х годов XIX в. в европейском мире, особенно в Германии, сложились, а потом закрепились более благоприятные, чем в несколько более ранний период, условия для восприятия, а в силу этого и для разработки проблем философии и её истории. Философия, говорил он, «ранее замолкнувшая наука, получает возможность возвысить свой голос и надеяться на то, что мир, который был глух по отношению к ней, вновь обретет [в этом отношении] хоть какой-то слух»¹².

Социально-исторические причины и обстоятельства пробуждения в науках вообще, в «науках о духе» (*Geisteswissenschaften*), в частности, нового интереса к философии Гегель, применительно к своей эпохе, осознал достаточно глубоко, зрело и релевантно по отношению к тогдашней исторической ситуации. Важно, что все это он четко артикулировал именно в преамбуле к своим историко-философским лекциям. «Нужда времени, эпохи, – рассуждал Гегель, – еще недавно способствовала тому, чтобы общим моментам “повседневной жизни” была придана наибольшая важность»¹³ – в ущерб «высшим интересам действительности». Интересы самого духа, свидетельство-

¹² «... diese beinahe verstummte Wissenschaft ihre Stimme wieder erheben mag und hoffen darf, daß die für sie taub gewordene Welt ihr wieder ein Ohr leihen wird», *Hegel G.W.F. Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie*. Bd. 1. Leipzig. Verlag Philipp Reclam jun., 1971. S. 77. Это издание позволительно цитировать вот по какой причине: данный текст Михелета воспроизводится и в других, в т. ч. более поздних публикациях Сочинений Гегеля. Далее при цитировании: *Hegel G.W.F. Vorlesungen*, с указанием тома и страницы.

В слегка измененном варианте тот же текст см.: «Речь Гегеля, произнесенного им при открытии чтений в Берлине 22 октября 1818 г.» // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Ч. I. Логика. М.; Л., 1929. С. 12–16.

В силу разных содержательных причин я не буду пользоваться имеющимися переводами этих лекций на русский язык, а стану использовать собственные переводы.

¹³ *Hegel G.W.F. Vorlesungen*. Bd. 1. S. 77.

вал Гегель, тогда сосредоточились на приземленных целях, а тем самым были принесены в жертву этим последним. Он давал такие определения, принимая во внимание реальные исторические процессы и события.

«Поскольку мировой дух был в столь большой степени занят действительностью, он не мог обратиться вовнутрь и объединить себя в себе самом»¹⁴. Например, в Германии народу в самом деле нужно было спасать «свою национальность, основу всей живой жизни»¹⁵. Мыслитель имел в виду, конечно же, период наполеоновских войн, борьбу Германии, в частности и в особенности Пруссии, за свою независимость. Людям, даже образованным, было не до философии, тем более не до истории философии, хотя отдельные философы со своей

сто-
роны осмысливали остро актуальные проблемы, задачи освободительной борьбы немецкого народа (как это сделал Фихте в «Речах к немецкой нации»).

Гегель – в связи с судьбами философии – говорил в Преамбуле лекций и о недавней истории других стран Европы. Он считал, что из-за подобного исключительного внимания к (тревожным) событиям повседневной жизни в Европе философия, «за исключением самого её имени... исчезла, была сведена на-нет»¹⁶. Правда, в Германии, – добавляет он, – в чем и заключалась особенность духовной основы нации, – в философии ещё теплилась какая-то жизнь.

И Гегель в самых высоких словах провозглашает миссией Германии, духовным призванием именно немцев сохранение этого «святого огня» (*dieses heiligen Feuers*), т.е. философии. Теперь философам Германии, призывает он, следует действовать и взаимодействовать в своей науке с немецкой серьёзностью и красноречивостью – с целью вырвать философию из изоляции и упадка, в которые её повергла сама эпоха. И «мы, старшие» (*Wir, Ältere*), посвятившие свою жизнь науке, – так говорит о себе и своем философском поколении сорокашестилетний Гегель, – сможем считать себя счастливыми лишь в том случае, если сумеем передать молодой поросли подчас ещё хранимые старшим поколением высокие духовные устремления. Таков общий смысл Вступления (к лекциям по истории философии), которое было произнесено Гегелем в университете Гейдельберга 28 октября 1816 г.

¹⁴ Weil der Weltgeist in der Wirklichkeit so sehr beschäftigt war, konnte er sich nicht nach ihnen kehren und sich selber sammeln.

¹⁵ Ibid. S. 78.

¹⁶ Ibid.

Призыв Гегеля объективно обращен также и к нам, философам эпохи, наступившей спустя 200 лет. И в наше время крутых социально-исторических поворотов, в который раз приведших к прагматизации, к повсеместному пренебрежению духовными стимулами истории (следствием чего и явилась тоже повсеместная недооценка исторической роли философии, других наук о духе), следует и предстоит вновь осознать трансисторическое значение подобных прозрений и призывов великих мыслителей человечества, включая Гегеля.

III. Гегель. Введение в историю философии

1. Понятие истории философии

Гегель с самого начала озадачивает своих слушателей (потом и читателей) общим и практическим, и теоретическим затруднением вот какого рода. История как наука, размышляет Гегель, вообще-то выдвигает требование говорить «о фактах безо всякой партийности, не преследуя особых, частных интересов и целей...»¹⁷. И кажется, что это должно тем более относиться к истории философии, ибо она призвана повествовать о том, что действительно, несомненно, фактически уже имело место и в преобразованном виде воспроизводилось в реальной истории человеческого духа. Но простой и элементарной эта задача кажется только на первый взгляд. Гегель рассуждает так: если в других видах наук об истории – например, той или иной страны, того или иного народа, человеческого рода в целом, или, скажем, в истории наук (математики, физики и т. д., или истории искусств) – их предмет в какое-то время, особенно, по Гегелю, в XIX в. становится достаточно богатым и более или менее определенным, то в истории философии дело во многом обстоит иначе¹⁸. Гегель напоминает здесь о том, сколь спорными подчас предстают перед потомками сталкивающиеся мнения разных философов прошлого о самом предмете их ученых размышлений и разысканий. А также, например, о том, подлинно ли философскими были те или иные сохранные историей формы и попытки рассуждения, выдаваемые их авторами за философию.

Однако подобные трудности необходимо разрешать – и они так или иначе разрешаются. Общее заключение Гегеля: «Но на деле, если понятие философии должно быть установлено не произвольным, а научным образом, то это должно быть [прежде всего – Н.М.] рас-

¹⁷ Ibid. S. 81.

¹⁸ Ibid. S. 82.

смотрение истории философии как науки»¹⁹. Поэтому-то и требуется, по Гегелю, предпослать конкретному изложению истории философии специальное Введение именно в эту дисциплину, в историю философии. Нам надо быть внимательными к тому, что Гегелем – в итоге чтения всех историко-философских курсов – была так или иначе создана *специализированная пропедевтика этой дисциплины, более или менее приспособленная к проблематике, методам, стилистике истории философии*.

Суммируем её главные идеи и акценты.

1. Один из первых пунктов, привлечших внимание и интерес Гегеля во Введении – доказательство того, что необходимо должным образом представить «ряд благородных людей духа, т. е. галерею героев мыслящего разума» – со всеми их конкретными и общими духовными заслугами в виде их прозрения «в сущность вещей, самой природы и духа, в сущность деяний Бога, в многообразие истории» и т. д. Какие индивидуумы предстают в истории философии как её герои и как её создатели? Эти вопросы также хотя бы в общей форме рассмотрел Гегель.

Казалось бы, ответ ясен: выдающиеся творцы самой философии, мыслители разных времен и народов, и являются главными героями историко-философских сочинений, а иногда они сами – одновременно и значительные, подобно Гегелю, историки философии. Однако согласно Гегелю, этим сказано далеко не всё о знаниях, талантах, в известном смысле о личностном типе именно великих субъектов-объектов историко-философских исследований и самого историка философии, во всяком случае, наиболее успешного, быть может, и особенно удачливого.

Из разных гегелевских текстов можно извлечь и собрать воедино его суждения о характерных акцентах, которые в жизни наличествуют, что называется, в лучшем случае, но явно способствуют главному – аккумулярованию высших достижений историко-философского труда именно в деятельности такого рода личностей. Что же Гегель считает главным в историко-философском труде и его результатах?

Приходится исходить, рассуждает Гегель, главным образом не из тех или иных чисто индивидуальных особенностей или исторического пути, или «индивидуального характера» личности, или «природных особенностей его страстей, энергии или слабостей характе-

¹⁹ «In der Tat aber, wenn der Begriff der Philosophie auf eine nicht willkürliche Weise festgestellt werden soll, so wird eine solche Abhandlung die Wissenschaft der Philosophie selbst», Ibid. S. 83.

ра», – вообще всего, «благодаря чему он есть [именно] этот индивидуум»²⁰. Ибо тогда могут оставаться в тени главные условия – *свобода мысли*, которая, правда, присуща человеку как таковая, но в “совершенной форме” встречается далеко не всегда, и такое важнейшее для историка мысли качество, как способность к “делам мышления” (*Taten des Denkens*). Они, эти предпосылки, лишь по форме относятся к тому или иному периоду прошлой истории, а по сути являют “общечеловеческое непреходящее” (*gemeinschaftliche Unvergängliche*). Для философии вообще, для её истории сказанное – это исходно затребованные одновременно индивидуальные и типологически необходимые качества. Причины вполне понятны: человек, вкладывающий свои силы, разум, талант в “дела мышления” (*Taten des Denkes*) в истории философии, должен исходно иметь и даже развивать в себе способность проникать своей мыслью в весьма сложные, истинно великие философские образцы прошлого и настоящего, должен сам научиться понимать и толковать их, а также отшлифовать свою способность понимания чрезвычайно сложных текстов по большей части ушедших в прошлое исторических эпох и их разъяснения заинтересованным современникам. Специфическое, однако общее для историков философии качество таково: поскольку они занимаются *мировой* историей философии, кто-то из них должен уметь читать и осмысливать те или иные сложнейшие тексты прошлых эпох на тех или иных языках оригиналов, нередко на древних языках, а также читать и понимать и иноязычных (для их народа) философов.

2. Отсюда также вытекает ряд дополнительных следствий, специально акцентируемых Гегелем.

Историка философии в высоком смысле этого слова должно отличать «обладание *самосознающей разумностью*» (*selbstbewußter Vernünftigkeit*), которая подробнее раскрывается у Гегеля так: она «не возникает непосредственно и только на почве современности», из сегодняшнего мира, а есть «существенное в нем наследие и, ближе, результат труда, а именно труда всех предшествующих поколений человеческого рода»²¹. Представляется, сказанное Гегелем ни в коей мере не следует понимать (что, увы, нередко происходит) в смысле простого исторического многознания. Правда, эрудиция относительно исторических фактов, событий, философской мудрости бывает полезна, функциональна для историка вообще, историка философии, в частности – если, конечно, она не превращается в самоцель.

²⁰ Hegel G.W.F. Vorlesungen. Bd. 1. S. 86.

²¹ Ibid. S. 86.

Поскольку же историк философии имеет дело с “интеллектуальным миром” – этим результатом *свободного духовного творчества*, то наилучшим образом осваивается и действует в нем *свободный человек*, умеющий “работать”, а значит, “жить” в спонтанном мире духа. Что, по Гегелю, значит: он умеет обживать и творить там, где и для “восприятия”, и тем более для новаторского познания требуется “породниться” с особой частью этого мира, отличной от природы, от её существующих вне нас объектов, но где как бы располагается весьма обширный, по своему властный и влиятельный интеллектуальный мир. Поставлен и вопрос о том, в чем в этом мире нефилософские творения сближаются и чем отличаются от философии, как соотносятся с нею²². Сделать этот особый мир как бы своей духовной родиной, своей духовной почвой – сверхзадача причастных к нему индивидов. Эти исходные констатации Гегеля – простые, понятные и вполне верные, воспроизводимые на любом этапе развития философии и её истории.

Действительные “герои” историко-философского повествования – это прежде всего, отдельные, уже выделившиеся, известные, прежде всего великие или выдающиеся философы прошлого и (отчасти) любого настоящего, а также их школы, союзы, объединения, иногда преемственно сохраняющиеся на протяжении ряда веков истории. О философах, уже попавших в орбиту анализа, об их жизни, сочинениях, учениях, об их трансисторических заслугах люди должны и будут вспоминать, вновь все это переосмысливая, что будет длиться, пока вообще существуют человечество и его культура, пока не прерывается исторический диалог поколений, стран, цивилизаций.

2. Вместе с тем, в соответствии именно с историко-философским учением Гегеля, всё пусть и великое, отдельное, единичное, личное в истории философии, все преходящее в жизни и знании, словом, конкретно-историческое – все это должно быть представлено *в органическом единстве с «общественно-совместным непреходящим»* (das gemeinschaftlichen Unvergängliche). Что сказанное означает – по Гегелю – для истории философии?

2а. Возникшее на почве какой-либо современности (Gegenwart) наследие философии историки философии должны (разумеется, расшифровывая то, что к любой философской “современности” реально принадлежит) уметь сплавлять с результатами работы всех «прошлых поколений человеческого рода». Впрочем, это сложнейшее и в то же время неперемнное для истории философии теоретико-методологи-

²² Ibid. S. 90.

ческое требование легче сформулировать, чем в какой-либо момент времени действительно исполнить. Ибо практически – по заветам Гегеля – оно подразумевает овладение целым рядом не менее трудных навыков, требуемых историко-философской работой. Например: историки философии древних периодов должны в целом представлять себе перспективы дальнейшего развития (хотя бы) главных более ранних концепций, которые они исследуют. И наоборот, изучающие современную мысль не должны этого делать в отрыве (хотя бы от более релевантного) историко-философского процесса. (Вопрос о том, сколь необходимо знание истории философии для занятий другими философскими дисциплинами и проблемами, оставим в стороне).

26. Чрезвычайно сложна (и, к сожалению, плохо исследовалась на разных этапах истории) проблема определения таких как будто ходячих понятий, как “эпоха”, “дух времени” – причем и в философско-историческом и в историко-философском смыслах. Далее она будет рассмотрена в специальном разделе.

2. “Начало” философии и её истории. Периодизация и источники истории философии

Как разъясняют гегелеведы²³, представляется вполне понятным и оправданным утверждение историков философии о том, что начало философии – исторически более позднее, чем истоки религии или искусства. Философия прежде должна была “открыть”, “ухватить” свой предмет. А поскольку им оказывается “мышление”, постольку, согласно Гегелю, только начало “изображения разумного в элементе мышления”²⁴ заслуживает имени философии.

При этом среди многочисленных более конкретных, в том числе исторических идей и аргументов представляется необходимым и возможным из многих гегелевских размышлений выделить и (кратко, суммарно) рассмотреть следующие определяемые им *предпосылки самого начала именно историко-философских процессов*.

1) Гегель говорит (V, 6, 93f) о том, что обращение к философии вообще, тем более (и уже позднее) к её истории, предполагает некоторые необходимые *условия-предпосылки* – в том числе те, которые складываются вне философии и даже вне “духовной сферы” как таковой. Гегель констатирует: к философским рассуждениям и анализам в философии, в истории обращаются не раньше, чем для определенного

²³ Jaeschke W. Hegel-Handbuch. S. 483.

²⁴ Hegel G. W. F. GA, V, 6, 84, 103.

социального слоя отпадает необходимость специально заботиться о непосредственных нуждах повседневной жизни. Гегель напоминает: уже Аристотель указывал на такие предпосылки, когда говорил о возможности, скажем, для сословия египетских жрецов почти целиком отдаться специальному делу математики. Гегель же подчеркивал общее значение “освобождения от потребностей” (вернее говорить о перекладывании обязанностей по обеспечению жизненных потребностей на других людей благодаря разделению труда). Мысль о второй социально-исторической предпосылке, которую Гегель считает даже более важной, он выражает так: «Впервые там, где введена гражданская свобода, может выступать философия. Гражданская свобода покоится на бесконечности воли как абсолютно отрефлектированной»²⁵. Значение завоевания политических (и других видов) гражданских свобод в греческом полисе для развития философии Гегель подчеркивает особо (хотя, как справедливо отмечает В. Йешке, объединение политических свобод и формирования подлинно свободного мышления – в понимании Гегеля – всегда особая, трудная для разрешения проблема).

Мы лишены возможности в этом относительно кратком тексте презентировать и оценивать сколько-нибудь подробно гегелевские членения, периодизации историко-философского процесса, его ступеней и главных, по мнению Гегеля, форм. Например, нет возможности здесь конкретно рассматривать сегодня весьма специализированную проблематику расчленения главных исторических фаз философии. Отметим лишь главные идеи Гегеля. Это относится к такой, например, проблеме – Гегель выделил три исторических периода развития философии:

1) первый (по его периодизации) тянулся от времен Фалеса (приблизительно с 600 г. до н. э.) до неоплатонической философии – период в 1000 лет;

2) второй период – философия средневековья (он включает философию арабскую и еврейскую, но главным образом охватывает христианскую философию; это период тоже длиной в тысячелетие);

3) третий период – «философия нового времени» – в эпоху Гегеля охватывал пару столетий; по словам Гегеля, тогда эта философия «ещё была чем-то новым»²⁶.

²⁵ «Erst wo die bürgerliche Freiheit angeführt ist, da konnte die Philosophie hervortreten. Die bürgerliche Freiheit berührt auf der Unendlichkeit des Willens als eines absolute zu respektieren», – *Hegel G.W.F.* GA, Bd. V, 6, S. 93f.

²⁶ *Ibid.* S. 216.

IV. Источники истории философии

При обсуждении Гегелем относящегося к данной теме немаловажного круга вопросов на уровне конкретики особенно ясно видны отличия эпохи Гегеля от нашего времени.

Тем не менее, типологические (а не только чисто хронологические) различия, проводимые Гегелем, и сегодня имеют свой смысл. И они разбирались также в других разделах лекций по истории философии. Например, он справедливо отличает собственно историко-философские источники от других, например, политических. Последние, по Гегелю, дают описание исторически определенных дел, скажем, речей тех или иных индивидов, прославивших себя в сферах политики. Гегель подчеркивает, что существуют коренные отличия этого жанра исторического описания от историко-философского источниковедения: первое обрисовывает исторически-бывшее, уже свершившееся, как бы канувшее в историю (интересное, важное при описании данного персонажа, действовавшего в один из периодов истории). А «в случае истории философии, – говорил Гегель в более поздних лекциях – источниками являются не исторические записи; перед нами предстают сами деяния: *это сами философские произведения. Они и являются подлинными источниками*; если хотят изучать историю философию, то нужно припадать именно к ним. Эти произведения – великое богатство, которого и надо держаться применительно к истории философии»²⁷. Гегелевское указание, сколь бы элементарным оно ни казалось, в то же время оправдано считать *золотым правилом истории философии*. Правда, оно достаточно часто нарушалось в истории и нарушается сегодня, – и как раз в истории философии, не говоря уже о других её областях.

Ибо провозгласить это непреложное правило относительно просто, но выполнять по многим причинам очень сложно. Гегель знал обо всех этих трудностях, внутренних и внешних, и не обходил их стороной. Например, он говорил о малоподъемной обширности некоторых первоисточников – таких, скажем, как много-фолиантные труды схоластиков (от 16 до 26 фолиантов...). Справедливо упоминалось и о малодоступности философских работ всех ушедших в прошлое эпох.

²⁷ «Bei der Geschichte der Philosophie sind nicht die Geschichtsschreiber Quelle, sondern die Taten selbst liegen uns vor; *das sind die philosophische Werke selbst. Es sind die die philosophischen Quellen*; will man Geschichte der Philosophie ernstlich studieren, so muß man an diese Quellen selbst gehen», Ibid. S. 216 (курсив мой – Н.М.)

Не сказано специально, но можно напомнить о проблеме редких языков, вообще иноязычных для тех или стран сочинений (скажем, древнейших текстах китайской или индийской философии для европейских историков философии). Гегель касается также следующих вводных проблемных линий анализа истории философии; это, во-первых, проблемное разъяснение специфики истории философии (S. 91) и, во-вторых, более точное общее определение в целом и конкретное осмысление понятия философии на протяжении всех лекций. История философии, согласно Гегелю, должна быть взята в двойственном проблемно-теоретическом развороте: 1) в её соотношении как с родственными ей областями истории религии, искусства и прочих наук, так и, например, с политической историей, но и 2) в её неповторимой специфике. В частности, в таком (конечно же, сокращенном, сжатом) предварительном очерке Гегель как раз и видит конкретную функцию Введения в историю философии.

В заключение этого раздела кратко суммирую идеи Гегеля относительно других тем, разбираемых им в итоговой части Введения к историко-философскому курсу.

1. Анализируются “обычные” (gewöhnliche) представления об истории философии, которые Гегель считает поверхностными и, так сказать, ходячими (die geläufigen Ansichten) и про которые он думает, что они, “без сомнения, известны” его слушателям (Ibid. S. 97).

а) Это, например, суждение об истории философии как складе “мнений” (Vorrat von Meinungen). Гегель опровергает такой подход следующим образом: мнение является “субъективным представлением, произвольной мыслью” (eine Subjektive Vorstellung, ein beliebiger Gedanke), тогда как философия является – по его определению – “объективной наукой истины” (Die Philosophie ist objective Wissenschaft der Wahrhaft, S. 100). (Далее следует подробное обоснование различия между истиной и мнением.)

б) Распространенное суждение об истории философии таково: если она что-то и доказывает, то ничтожность (Nichtigkeit) философского познания в каждой отдельной точке его существования.

в) О разнообразии философских учений судят так: если “истина одна”, то должна быть и одна-единственная философия; между тем разнообразие и взаимные противостояния доктрин в истории философии вызывают сомнение в том, что в историческом процессе развития философии можно сформировать единую, целостную истину.

Гегель бесконечно далёк от какой-либо недооценки устойчивости подобных ходячих мнений. Их надо опровергать, по Гегелю, настоя-

чиво, постепенно, аргументировано. «Деяния истории философии – не авантюра»; в историческом процессе философского развития шестует разум. «С этой верой в мировой дух мы должны подходить к истории, и в особенности к истории философии»²⁸.

2. Существенное суммирующее значение имеет во Введении небольшой раздел «Разъяснение к понятийному определению истории философии»²⁹, где разбираются такие значимые для истории философской мысли понятия:

а) понятие “развития” в его применении именно к истории мысли;

б) понятие “конкретного”, где имеется особое гегелевское философское воззрение о конкретном не как единичных вещах и состояниях, а как о целостности, вмещающей ряд форм и фаз развития, о целом, которое не есть некая прямая линия. Оно скорее подобно кругу, подразумевающему возвращение в себя, кругу, который есть «великое множество кругов». Иными словами, применительно к истории философии целое, по Гегелю, вмещает в себя «великое множество возвращающихся к самим себе кругов развития»³⁰.

Важно, особенно для профессиональных исследователей истории философии, небольшой раздел Введения, в котором сосредоточено несколько главных для Гегеля следствий из суммированных выше размышлений.

Следствие первое: «целостность истории философии – в себе необходимый, последовательный процесс; он в себе разумен, определен его идеей»³¹ (Ibid. S. 128).

Следствие второе, вытекающее из первого: всякая философия (если она достойна этого высокого имени) не является просто чем-то преходящим, а сохраняется как момент в философском движении (S. 129).

Следствие третье – оно касается любого философского принципа: многое зависит от времени, вернее – от ступенчатого развития, прогрессирующей разработки принципов. Когда тот или иной – фундаментальный, основополагающий – философский принцип выдвигается, он обычно бывает абстрактным, т. е. односторонним, недостаточным, еще не выражающим подлинно философской глубины и

²⁸ «Mit diesem Glauben an den Weltgeist müssen wir an die Geschichte und insbesondere an die Geschichte der Philosophie gehen», Ibid. S. 108.

²⁹ «Erläuterung für die Begriffsbestimmung der Geschichte der Philosophie».

³⁰ «in sich zurückbezogene Folge von Entwicklungen», Ibid. S. 117.

³¹ «das Ganze der Geschichte der Philosophie ist ein in sich notwendiger, konsequenter Fortgang; er ist in sich vernünftig, durch seine Idee bestimmt».

многосторонности. Только с течением времени принцип как бы обретает философскую плоть, “лишь в идеале складываясь в то, что называют “философской системой” (S. 130).

Следствие четвертое, вытекающее из предыдущих: в истории философии мы, согласно Гегелю, в сущности, не должны иметь дела с прошлым (в смысле исчезающего, преходящего). Ибо «содержание этой истории – научные продукты разумности, а последняя – не нечто прошедшее, преходящее. То, что разрабатывается в этом поле, есть истина, а она является вечной, она не такова, что существует только для одного времени и не существует для другого. Пусть телесная оболочка людей духа, которые суть герои этой истории, их жизнь во времени (внешняя судьба философов) и является чем-то преходящим, но сделанное ими (мысль, принцип) не следует за ними»³².

V. Философия как “её эпоха, схваченная в мысли”

Эта тема – в силу её особого проблемного значения и в то же время (как будет показано) слабой разработанности – будет выделена нами из Введения лекций по истории философии и рассмотрена подробнее.

К известному, однако до сих пор оставшемуся плохо расшифрованным (в том числе в гегелеведческих работах) крылатому изречению Гегеля о философии как “её эпохе, схваченной в мысли” примыкают различные гегелевские теоретико-методологические разъяснения, рассыпанные по разным разделам и истории философии, и других блоков идейного наследия великого философа. Далее будет предпринята попытка собрать их вместе и выявить совокупный смысл этого контрапункта историко-философского Введения.

1. В лекциях по истории философии Гегель настаивает на том, что *необходимо обобщенно схватывать развитие философской мысли тех или иных эпох, периодов истории как исторических целостностей особого духовного опыта.*

В этом отношении особенно важно, по Гегелю, научиться и конкретно, и обобщенно осмысливать линии, типы, направления *влияния исторического времени* именно на возникновение и содержательное развитие философии, включая её особые или “индивидуализированные”, конкретные формообразования. Необходимо, согласно Гегелю, специально соотносить с “эпохой” особо значимые теории, идеи, лозунги, заветы тех или иных философских учений. И делать это нужно,

³² Ibid. S. 131.

разбираясь также в других, уже не специфически философских духовных, идейных, ценностных продуктах той или иной эпохи. Ибо философия, в понимании Гегеля – не обособленная от “духа эпохи” форма мысли.

«Определенный гештальт³³ философии, – говорил Гегель именно в своих историко-философских лекциях, – одновременен с определенными *гештальтами* народов, в среде которых она выступает, с их государственным устройством, формой правления, с их *нравственностью*³⁴, с общественной жизнью, с их сноровистостью (*Geschicklichkeiten*), привычками и удобствами жизни, с их опытами и деятельностью в сферах искусства и науки, с их религиями, военными судьбами и вообще международными отношениями, с возникновением и вступлением [на арену истории] новых государств, в которых высший принцип находит свое рождение и развитие»³⁵.

Заслуживает особого осмысления, развития и применения в историко-философской работе уже и это *прекрасное перечисление сторон “одновременной” с философией социальной реальности*, так или иначе на неё воздействующих. Вместе с тем, главную функцию историко-философской науки Гегель видит не столько в простой констатации такой “одновременности”, сколько в *раскрытии взаимодействия* философии с главными сторонами социального опыта (как упомянутыми здесь, так и оставленными им без упоминания).

³³ Слово “Gestalt”, которое в философии Гегеля (напр., в «Феноменологии духа») часто употребляется, в этом случае придаёт рассуждению великого философа особые оттенки. Но этот факт, к сожалению, весьма часто упускается из виду, в том числе из-за неудачных, сбивающих с толку переводов слова “Gestalt” на другие языки. Например, в прежних русских переводах Гегеля это слово передается с помощью малопонятного (в данном контексте) слова “формообразование” (о том, как выходят из положения в случае, скажем, французских переводов, см. мою статью: *Motroschilova N. “Phänomen”, “Erscheinung”, “Gestalt”, von Hegels “Phänomenologie des Geistes in ihrem Bezug zur Philosophie Kants // Phänomene und Analyse, Grundbegriffe der Philosophie des Geistes. Würzburg, 2008. S. 107–134.* Считаю, что лучше всего сохранять, по крайней мере, в европейских языках (включая русский) слово “гештальт”, вполне понятное в наше время.

³⁴ Понятие “нравственность” (*Sittlichkeit*), подробно расшифровываемое Гегелем в «Философии права», не тождественно обозначению чисто моральной сферы (по отношению к ней применяется термин “моральность”, *Moralität*). “Нравственность” (*Sittlichkeit*, от слова “Sitten” – нравы) включает в себя – в понимании Гегеля – широкое единство следующих тем: семья; гражданское общество (*Zivilgesellschaft*) – с разделами “система потребностей”, “отправление правосудия”, “полиция и корпорации”, “государство”.

³⁵ *Ibid.* S. 148.

Каждый философ, в любое время профессионально и увлеченно работающий в сфере философии, не может не признать, что перечисленные Гегелем центральные сферы деятельности, а также поворотные события эпохи так или иначе воздействуют не только на их судьбу, но и на содержание их деятельности – и, в самом деле, через перечисленные Гегелем “гештальты” их народов, как и через многие отдельные сферы, специально упомянутые Гегелем.

Ясно, однако, что зафиксировать такое влияние и раскрыть его – вещи разные, о чем у нас ещё будет идти речь.

2. Согласно внутренней логике именно историко-философской концепции Гегеля, определяемость философии всех времен со стороны определенной “эпохи” (причем многих, а не только упомянутых Гегелем её особенностей) имеет специфический характер. Воздействие эпохи преломляется через социально-исторические особенности и сфер “духа” (Geist) в целом, и самой философии как специфической области духовной жизнедеятельности человечества.

Принципиальное духовное, теоретическое и методологическое значение в этой связи имеет профильное у Гегеля понятие “духа народа”, которое также вводится и разъясняется в лекциях по истории философии. Понятие “дух народа” неожиданно поясняется Гегелем с помощью архитектурных образов-уподоблений – собор (Dom) и его части: своды, ряды колонн, многочисленные ответвления и проходы между ними, обнимаемые словом “организация” и в их единстве суммируемые так: «все проистекает из одного целого, одной цели»³⁶. А дальше – переход как раз к философии: «Из этих многообразных сторон философия есть одна из форм – и какая же именно?» (Ibid.). И в самом деле: какие специфические особенности философии как формы духа, взятой в её историческом развитии, Гегель призывает учитывать в первую очередь, говоря о её взаимодействии со своей эпохой? Гегель – как раз во Введении к разбираемым лекциям – даёт свой ответ на вопрос о значении и специфике социально-исторической, культурной роли философии, причем в торжественных, высоких словах: «Она есть высший расцвет – она является понятием гештальта духа как такового, “духа времени”»³⁷.

Любопытно, что при очерчивании специфики философии через понятие “духа народа” Гегель не только поднимается, так сказать, к высотам духовных деяний, но не чурается и бытовых, жизненных

³⁶ Ibid. S. 149.

³⁷ «Sie ist die höchste Blüte – der Begriff der ganzen Gestalt des Geistes..., der Geist der Zeit», S. 149.

уподоблений, призванных, вместе с тем, разъяснить такие принципиальные понятия, как “традиции философии” и отношение к ним. Так, хранение традиций в философии мыслитель сравнивает с поведением... образцовой домохозяйки, домоправительницы, которая не только сохраняет, передает неприкосновенными сложившиеся в домоправлении правила и привычки. Ибо в её деятельности все это не остается чем-то неподвижным, как бы запечатленным в камне, а является подвижно-жизненным, подобным мощному потоку, который разрастается по мере того, как удаляется от своих истоков»³⁸.

Правда, у отдельных народов бывают времена, когда их «образование, искусство, наука, вообще их духовные способности, как бы застывают». В пример приводится Китай, который, «как (Гегелю) кажется, две тысячи лет назад во всем этом был таким же, как сейчас». Но «дух мира (*der Geist der Welt*) в принципе не погружается в такое равнодушное спокойствие. Его жизнь – это деяние»³⁹. Не станем вдаваться во все детали этого вдохновенного, почти поэтического изображения неустанного шествия, развертывания и восхождения и “мирового духа”, и “духа народа”. Важно, что это его шествие для Гегеля реально воплощается и результируется во всех его формообразованиях, а в философии к тому же подвергается “постижению”, что относится также и к “духу времени, эпохи”.

Надо внимательно вдуматься в следующее непростое, но ёмкое, содержательное рассуждение Гегеля, не поддаваясь стандартной, шаблонной мысли о том, что в сплаве черт эпохи надо-де выделить что-то одно как главное, определяющее (по этому пути позднее пошел марксизм в его вульгаризированной форме, предложивший схему определяемости всех сфер духа через экономические отношения, а в политике – через борьбу классов). «Отношение политической истории, – мудро рассуждал Гегель в историко-философских лекциях, – устройства государства, религии к философии не таково, как если бы все они были причинами философии или, наоборот, как если бы она была их причиной. Они, напротив, *все вместе образуют единый корень – а именно дух времени*»⁴⁰.

³⁸ Ibid. S. 86–87.

³⁹ Ibid. S. 87.

⁴⁰ «Das Verhältnis der politischen Geschichte, Staatsverfassungen, Kunst, Religion zur Philosophie ist deswegen nicht dieses, daß sie Ursachen der Philosophie wären oder umgekehrt diese der Grund von jenen; sondern *sie haben vielmehr alle zusammen eine und dieselbe gemeinschaftliche Wurzel – den Geist der Zeit*», Ibid. S. 149 (курсив мой – Н.М.).

Постольку, разъясняет далее Гегель, “дух времени” составляет «общую сущность, характер, пронизывающие *все стороны* и воплощающиеся как в политической сфере, так и во всех других элементах. Этот дух есть состояние, которое пронизывает собою все его различные части, сколь бы они ни выглядели многообразными и случайными; он не содержит в себе ничего гетерогенного по отношению к своей основе»⁴¹.

В этой и подобных констатациях Гегеля заключена своего рода антиномия, которая соответствует противоречивости реальных процессов, в данном случае осмысляемых Гегелем. Она проявляется в том, что философия и в гомогенном, едином сплаве сфер, событий и дел, как бы заключающих в себе “дух времени”, всё-таки играет, согласно Гегелю, *специфическую социально-историческую роль*. С одной стороны, она – и это видно во многих гегелевских формулировках – “полностью идентична со своим временем”, с его духом.

Расшифровывая данный тезис и усиливая, акцентируя его, Гегель не единожды повторяет: философ, являясь сыном своего времени, в той же мере не может отделаться от него, как не способен “выскочить из своей кожи”⁴². Для истории философии сказанное, в частности, означает и то, что немало идейных и идеологических слабостей, предрассудков своей эпохи философия и философы не в силах преодолеть даже тогда, когда ставят перед собой подобную задачу.

Но есть и другая сторона, – и она не менее, а более настойчиво акцентирована Гегелем: он убежден, что философия способна также и возвыситься над своим временем, своей эпохой и даже “забежать вперед” в прогнозировании отдельных черт и процессов будущего. Происходит это как раз благодаря тому, что в постижении “духа” времени философия, по Гегелю, обладает целым рядом преимуществ в сравнении с другими сферами духа, культуры.

VI. Философия, её отличия от других видов духовной деятельности и роль истории философии

Рассуждения Гегеля об особом положении философии в науке, культуре объединяют в себе и результаты глубокого осмысления действительной роли философии в историческом развитии духа, и его пожелания, требования, которые философии еще предстоит выполнять в ходе дальнейшей истории.

⁴¹ Ibid. S. 149–150 (курсив мой – Н.М.)

⁴² Ibid. S. 150.

Проблемной сферой, в которой подобные вопросы поднимаются, становятся те разделы лекций, где речь идет и о связи, и в то же время об отличиях философии от таких родственных ей духовных областей, как наука и образование, искусство, религия.

Для Гегеля эти близкие философии духовные области тоже весьма важны и к тому же родственны философии, ее истории – по крайней мере по двум причинам.

Во-первых, в них, согласно кратким формулам Гегеля, обитает “дух” и что особенно существенно для гегелевского рассмотрения их связи, родства с философией – в них, хотя и по-разному, *реализуется* “мышление”. В целом в этом пункте была сконцентрирована перспективная, во многом синхронная философская работа всей немецкой классики, включающая осмысление сути многовековой духовно-мыслительной деятельности всего человечества (что подробнее будет показано далее, при рассмотрении гегелевского гештальта современной ему немецкой философии). Первоосновой, прообразом для обсуждаемых гегелевских формул был *объективный процесс* творения человечеством – на протяжении целых веков – ценностей, идей отнюдь не мистического “объективного духа”, регулирующего (через сферы права, морали, обычая, нормы и т. д.) совместное бытие людей. Прообразом была также и гуманитарная культура в самом широком смысле слова – именно в её непреодолимом, несмотря на все срывы и откаты, шествии через всю историю человечества. Конкретнее идеи “субъективности” (о которой уже прямо говорили классики немецкой мысли) и “интерсубъективности” духа (термин этот новый, но о всеобщности духа уверенно писали классики немецкой философии) в их взаимопереплетении питали немецкую философию и догегелевского, и гегелевского времени. Гегель ярко запечатлел и осмыслил эту двойственную целостность.

“Мысль”, “мышление” – особо важное для Гегеля общее для эпохи и трансторическое обозначение как вершин духовной культуры, так и особенно сути, миссии, призвания философии. «То, что истинно, – уверенно говорил Гегель именно в своих историко-философских лекциях, – содержится только в мыслях; это истинно не только сегодня и завтра, но с выходом за пределы любого времени; и поскольку оно, истинное, наличествует во времени, оно истинно всегда и во всякое время»⁴³. При этом философии придается столь важное значе-

⁴³ «Das, was wahrhaft ist, ist nur in Gedanken enthalten, ist wahr nicht nur heute und morgen, sondern außer aller Zeit; und insofern es in der Zeit ist, ist es immer und zu jeder Zeit wahr», Ibid. S. 90.

ние именно потому, что и при осмыслении “субстанционального” в своей эпохе она собирает, концентрирует прерогативы мышления, в том числе выбирая его важные характеристики из других областей, где тоже так или иначе реализуется “мышление”. Но при этом философия остается для Гегеля главной сферой в царстве мышления.

В соответствии с такими рассуждениями Гегеля Введение в историю философии и должно также содержать в себе двойственный проблемно-теоретический разворот, линии которого мы уже проследили.

Итак, у Гегеля (и в самой истории философии, и в других разделах) имеют место:

- 1) разъяснение специфики истории философии;
- 2) более точное определение философии в целом –
 - а) через рассмотрение её связи с эпохой как таковой;
 - б) через выявление её особой связи с “духом” эпохи; а также
 - в) благодаря выявлению её ничем не заменимой функции в осмыслении “эпохи”, которую она “схватывает” в особой системе мысли, хранящей и трансформирующей кристаллы философской истины.

Добавим к сказанному, что важнейшие мысли Гегеля касательно связи философии и её эпохи оказались плохо освоенными в последующей истории философской мысли, включая современность. Долгое время бытовали “традиции”, которые препятствовали реализации поставленной Гегелем задачи осмыслить философию как «постижение в мысли своей эпохи».

В литературе вопроса имеются некоторые типы рассуждений, которые оправданно признаны несостоятельными. Например, это были упомянутые попытки, предпринятые в рамках вульгаризированного марксизма, свести зависимость философии от её эпохи к определяющему-де влиянию экономических процессов и факторов, а также (примитивно понятых) политических классовых интересов. Подобные явно идеологические “продукты” в истории существовали, но они – как правило – рождались не столько в философии, сколько в откровенно идеологических концепциях.

В силу влияния разных причин к настоящему времени в истории мировой мысли сложился такой печальный общий результат: начатый Гегелем в историко-философских лекциях и завещанный им в виде задачи именно для истории философии анализ связи философских идей, учений и их эпохи лишь в очень малой степени был продолжен в истории философской мысли, включая современную философию. Сколько-нибудь систематические, развёрнутые исследования этой

темы в философии исключительно редки⁴⁴, в том числе и применительно к немецкой классической философии, в частности, к философии самого Гегеля⁴⁵.

Полагаю, совместная работа заинтересованных историков философии разных стран может способствовать преодолению “застоя” в этой важной области историко-философской работы и тем самым выполнению заветов великого Гегеля.

VII. “Гештальт новейшей немецкой философии” в историко-философской концепции Гегеля

Это обширная по объему и центральная по значению тема и проблематика историко-философской концепции Гегеля. Великий философ разрабатывал её также и в других дисциплинарных разделах своей системы. Здесь могут быть представлены только её главные идеи, ближе всего примыкающие к историко-философскому контексту. Их теоретический вес определяется прежде всего непреходящей философской, культурной, общесоциальной значимостью самого объекта изучения, великой и славной немецкой философии Нового времени.

Мысля и говоря о том совокупном гештальте⁴⁶, который имел в

⁴⁴ Систематическое исследование на эту тему см.: *Randal C. The sociology of philosophy. A global theory of intellectual change.* Cambridge, 1998 (см. там же главу 12 «Немецкая университетская революция»). В российской философии последнего времени выделяется своей оригинальностью исследование: *Яковлев А.А. Завещание Джона Локка, приверженца мира, философа и англичанина.* М., 2013, автор которого рассматривает социально-политические идеи Локка. Один пример отклика философа на особый социально-исторический контекст: увязанность политических произведений Локка с конкретно-историческим “контекстом” его жизни в Нидерландах и ещё конкретнее – с наблюдениями над экономической и политической жизнью Нидерландской республики, тема толерантности в этом историческом “контексте” и в работе Локка «Послание о толерантности». Другой пример – “республика ученых” как идея и как черта реального социально-исторического контекста. Работа А.А. Яковлева – хороший пример того, насколько основательно такое философское осмысление включает в себя скрупулезное освоение самых конкретных исторических исследований.

⁴⁵ Я стремилась опереться на разбираемые здесь и другие идеи Гегеля и развить их в своей книге «Социально-исторические корни немецкой классической философии» (М., 1990), где предложила целостную концепцию анализа социально-исторической обусловленности именно немецкой классической философии на трех уровнях – цивилизационном, эпохальном, ситуационном.

⁴⁶ Когда в обсуждаемом историко-философском контексте употребляется слово “Gestalt” (напр., “гештальт” немецкой философии Нового времени), то имеется в виду совокупный, обобщенный образ такой философии, который и соби-

виду Гегель, называющий его “новейшей немецкой философией”, можно было бы образно уподобить ее горному массиву, образованному философскими вершинами разной высоты, где среди главных высилась и философия самого Гегеля. Целостный “гештальт”, т. е. близкий к исторической реальности и в то же время суммарный, обобщенный образ этой философии, и стремился начертать Гегель в разбираемом разделе своего историко-философского курса.

У этого обобщенного гештальта были – в сравнении с другими феноменами истории философии – специфические особенности, привлекавшие пристальный интерес Гегеля. Каковы же особенности его работы над соответствующим историко-философским материалом?

1. Гегель обобщенно зарисовывал немецкий философский ландшафт конца XVIII и первых десятилетий XIX в. не только на основе изучения документов, произведений, но и благодаря собственному “включенному наблюдению” и участию. При этом осмысления и описания Гегеля, касающиеся действительно “новейшей” (moderne) тогда, “современной” ему философии, интересны также как концентрация свидетельств, переживаний, размышлений *непосредственного участника событий*, глубокого мыслителя, видевшего свою миссию в проникновении в самое их существо (“субстанциональность”). Об этом специфическом историко-философском феномене и изображении Гегелем современной ему отечественной философии существует обширная, часто весьма добротная интернациональная гегелеведческая, в том числе биографическая историко-философская литература (она привлекается к рассмотрению во всей книге, предложенной вниманию наших читателей).

Здесь с самого начала целесообразно сделать важную оговорку. Многие сотни страниц историко-философских текстов Гегеля, посвященные данной проблематике, включены не только в разбираемые лекции, но и в другие, а по существу во все крупные и малые сочинения мыслителя.

Нас будут интересовать здесь прежде всего сотни страниц текстов соответствующих лекций Гегеля по истории философии (это главы I–III третьей книги лекций по истории философии Нового времени и, в частности о “Новейшей немецкой философии”, а также глава IV о философских учениях Канта, Фихте, Шеллинга и других авторов).

рает, суммирует, как бы стилизует частные, особые целостности, обнимаемые понятием немецкой философии и как бы “зримо” – конечно же, для ума – высвечивает в них общее, объединяющее. Выполнению этой специфической задачи способствуют и “наглядные” образы-сопоставления.

Но и они не могут быть здесь представлены даже в кратких очерках. Поэтому мы пойдем другим путем: постараемся вычертить лишь *главные теоретические линии*, которые Гегель как бы протягивает и через все обобщающие разделы, и через главы, посвященные отдельным – великим или выдающимся – авторам.

Сначала нам нужно разобраться с тем, как гегелеведы, наиболее авторитетные именно в историко-философской области, оценивали и оценивают сегодня надежность, добротность этой части лекций Гегеля с точки зрения материала и глубины анализа столь славного этапа развития немецкой философии.

Историю немецкой философии, представленную в историко-философских гегелевских лекциях разных лет, гегелеведы, правда, не ставят в один ряд с теми частями собственноручно-авторских произведений Гегеля (например, с «Наукой логики» или «Философией права»), где речь часто идет об учениях и идеях его близких по времени предшественников и коллег-современников. А в них, о чем никак нельзя забывать, Гегель постоянно обращается к разбору идей Канта, Фихте, Шеллинга, реже – других сколько-нибудь значимых отечественных философов того времени. Тем не менее – после многих изысканий и коррекций, критического использования вторичных текстов – к сегодняшнему дню оправданно сложилось в целом позитивное, уважительное отношение к тем интересующим нас разделам системы Гегеля, где он в лекционном формате осуществлял анализ новейших философских учений своей родины. «Акцент изложения Гегеля, – пишет наш современник Вальтер Йешке – сделан прежде всего на *подробной информации*... на *взаимной критике и внутреннем дальнейшем развитии* – от трансцендентально-философской линии Канта, через более последовательное дальнейшее развитие у Фихте, а потом уже на их критику у Якоби – вплоть до “системы тождества” Шеллинга»⁴⁷.

Слушатели гегелевских историко-философских лекций разных лет, как и более поздние читатели (их записей), несомненно, с особым вниманием присматривались в историко-философских раскладках Гегеля к тем их частям, которые касались его эпохи и самых близких ему – и не только по времени, но и по идеям, методам – учений философии. Поскольку эпоха эта и в восприятии наиболее влиятельных философов, включая Шеллинга и Гегеля, была временем глубоких и стремительных изменений, хорошо просматриваемых именно в духовных сферах (дух, образно констатировал Гегель, как бы “надел са-

⁴⁷ Jaeschke W. Hegel-Handbuch. S. 495.

поги-сороходы”), то способность мыслителей подхватить, развить, лично способствовать реализации динамических (“революционных”, прямо говорили эти философы) исторических изменений считалась – и в самом деле была – их замечательным отличием и преимуществом. Уже после смерти Гегеля его особое умение выразить, впитать дух именно его эпохи, относимое, как мы видим, и самим Гегелем к существенным задачам философии, четко запечатлел Генрих Гейне (раньше – во время вечерних визитов к Гегелю – он беседовал с хозяином): «в этом человеке бился пульс века»⁴⁸. Так оно и было.

Что касается в целом конкретных текстов, отрывков, которые и в лекциях, и в других работах Гегеля были посвящены философии Фихте и Шеллинга (соученика, друга, по возрасту младшего, но быстро развивавшегося философа, а некоторое время “руководителя” Гегеля), то об их специфике целесообразно говорить, с самого начала констатируя противоречие во всем, что писалось и говорилось Гегелем об этих его выдающихся современниках.

С одной стороны, что хорошо известно и подробно исследовано, после совместного обучения в Тюбингене Шеллинг и Гегель сначала пережили освободительное воздействие идей Канта («с Канта началась утренняя заря», писал Шеллинг); затем Шеллинг на некоторое время увлекся учением Фихте, «нового героя в стране мысли, титана, борющегося за человечество»⁴⁹. Своим воодушевлением он заражал и Гегеля, который во время пребывания в Йене, как известно, сначала пребывал в круге идей и влияния Шеллинга.

С другой стороны, уже к концу пребывания в Йене Гегель постепенно начинает развивать именно свои идеи и задумывает новые, самостоятельные повороты в немецкой мысли. Это делает материал, относящийся к гегелевским фихте- и шеллинговедческим текстам, весьма сложным для конкретного анализа, во всей его противоречивости требующим скрупулезного профессионального исследования. Лапидарные обобщающие тексты, в том числе и имеющиеся в историко-философских лекциях (20 страниц о Фихте, 27 страниц о Шеллинге – в немецком варианте) обладают особыми достоинствами, ибо содержат удостоверенные обобщенные оценки результатов жизнедеятельности мыслителей, чьи идеи тогда рождались и эволюционировали буквально “на глазах” Гегеля, воспринимались, и не только

⁴⁸ См.: *Фишер К.* Гегель. Его жизнь, сочинения и учение. 1-й полутом. М.; Л., 1933. С. 592 (Приложение).

⁴⁹ Подробнее см.: *Мотрошилова Н.В.* Путь Гегеля к “Науке логики”. М., 1984. С. 26–39.

им, как новейшие, революционные. Вместе с тем, со стороны Гегеля они впоследствии подвергались решительному критическому пересмотру – по мере того, как современники, включая самого Гегеля, самостоятельно вырабатывали идеи, концепции, строили именно свои философские системы.

Историко-философские лекции, особенно поздних периодов, тем и ценны, что в динамике истории отражают выверенные суждения зрелого Гегеля об этих великих мыслителях, его современниках. Они также подводят своеобразный итог гегелевского включенного наблюдения – исследования и оценивания непосредственно осваиваемых философских феноменов второго, третьего и т. д. по значению рядов. Несколько слов об этих последних.

Когда в ранний Йенский период Гегель и Шеллинг издавали, правда, недолго, «Критический журнал философии», Гегель поместил там разгромные рецензии на “системосозидающие” писания таких философов, как В. Круг или Ф. Боутерверк. (В наши дни специалистами предприняты попытки более взвешенного и объективного исследования и их произведений, и гегелевских философских памфлетов).

С чем в оценках Гегеля нельзя было согласиться уже и в ту эпоху, так это с пренебрежительным, необъективным его отношением как историка философии к некоторым профессиональным, достаточно самостоятельным и интересным философам, современникам-соотечественникам (к примеру – Рейнгольду), которых он во многом несправедливо обличал как носителей “надутой ограниченности”, приготовивших-де “окрошки из разных подхваченных мыслей и представлений” – и с тем гегелевским суждением, что эти философы были-де лишь подражателями, эпигонами идей Канта, Фихте и Шеллинга. Здесь один пример того, что более длительное развитие подчас бывает более объективным судьей (в вопросе о весе и значении творчества философов), чем некоторые даже и авторитетные, но по тем иным причинам неблагосклонные и необъективные современники.

Впрочем, в своих лекциях о современной ему немецкой философии Гегель редко вдается в детальное осмысление работ отдельных авторов (тем более не первого ряда). На арену анализа скорее выходят *главные понятия и проблемы*, сквозь призму которых главным образом и просматриваются в истории философии Гегеля основные учения и системы немецкой классики, а также осмысливается значение этого целостного историко-философского гештальта.

VIII. Гегелевский анализ “новейшей немецкой философии” через её центральные понятия

1. Свобода человеческого духа

Всю презентацию “новейшей” тогда немецкой философии у Гегеля совершенно ясно и акцентированно пронизывает прежде всего “*принцип свободы человеческого духа*”. Он энергично воплощается, по твердому убеждению Гегеля, в самых различных центральных идеях той многоформной целостности, которая у Гегеля и его современников именовалась “новейшей немецкой философией”, а впоследствии маркировалась с помощью различных обозначений. Например, “немецкой классической философией” её именовали в XX в. и подчас именуют сегодня, имея в виду то, что по отношению к последующей истории философской культуры эта относительно единая и в то же время складывающаяся из оригинальных, даже противопоставляемых друг другу учений, во многом образует именно “классическое”, т. е. богатое, высокосодержательное и непреходящее по значению философское наследие.

Так, говоря еще не о Канте, а о философии Фридриха Генриха Якоби (1743–1819), одного из немецких философов не первого ряда (в частности, о его положении, согласно которому *знание человека о боге подразумевает признание человеческой свободы.*), Гегель как раз и дает центральную обобщающую формулировку: «*Это принцип свободы [человеческого] духа, но только принцип этой свободы, и величие нашей эпохи заключается в том, что в ней признана свобода как своеобразие духа, согласно которому он есть внутри себя у себя, что он внутри себя обладает этим сознанием*»⁵⁰.

Через (сжатое) рассмотрение отдельных наиболее важных, с точки зрения Гегеля, конкретных учений немецкой классики проходит мысль о все более настойчивом, ясном и конкретном (т. е. – в гегелевском понимании; всестороннем) обосновании “принципа свободы”. Так, в отношении кантовской философии об этом принципе, высказаны, с одной стороны, самые высокие оценки, поистине восторженные слова: «Выставление того принципа, что свобода есть последний стержень, вокруг которого вращается человек, высочайшая вершина, коей ни на что не приходится глазеть снизу вверх, так, что человек не признает никакого авторитета, и ничто, в чем не уважается свобода,

⁵⁰ “Es ist das Große unserer Zeit, daß die Freiheit, das Eigentum des Geistes, daß er in sich ist, annerkannt ist, daß er in sich dies Bewußtsein hat”, *Hegel G.W.F. Vorlesungen*. Bd. 3. Lpz., 1971. S. 480–481.

его не обязывает, – выставление это принципа представляет собою большой шаг вперед»⁵¹.

Гегель справедливо и четко констатирует, что прежде всего подобные идеи и теоретические акценты доставили «кантовской философии величайшее распространение и симпатию; к ней в высшей степени влекла та мысль, что человек обретает в самом себе безусловно прочный, устойчивый центр...» (Ibid.). С другой стороны, при конкретном анализе (в разных своих сочинениях, включая лекции по истории философии) Гегель показывает, что, по его словам, «кантовская философия так и остановилась [лишь] на этом принципе». В чем Гегель прав и в чем заблуждается, защищая подобное более конкретное понимание роли и содержания принципа свободы у Канта и других современников, а также предшественников, – до сих пор нет единого мнения, а есть целый веер подходов и споров специалистов.

Подробный анализ гегелевского понимания главного противоречия поистине великой по своим заслугам кантовской философии (в том числе и конкретно-исторического рассмотрения того, как Гегель на разных этапах своей жизни меняет и углубляет свой образ Канта-философа) здесь невозможен. И всё же опираясь на тот “образ философии Канта”, который можно вычленил именно из лекций по истории философии, поможет нам понять, сколь интересны, содержательны, критичны и в то же время противоречивы гегелевские историко-философские портреты великих или выдающихся современников.

2. Гегелевский историко-философский портрет Канта

Вопросу о том, каким – в его целостности и в конечном счете – стал гегелевский именно историко-философский суммарный образ мысли Канта, его духовного “критического” подвига в истории мысли вплоть до современности посвящена поистине необозримая литература⁵².

⁵¹ «Es ist ein großer Fortschritt, daß dies Prinzip aufgestellt ist, daß die Freiheit die letzte Angel ist, der der Mensch sich dreht, diese letzte Spitze, die sich durch nichts imponieren läßt: so der Mensch nichts, keine Autorität läßt, insofern es gegen seine Freiheit geht», Ibid. S. 523–524.

⁵² Одним из лучших в мировой философии подведением итогов данного исследовательского направления – как оно сложилось к 80-м годам XX в. – считаю раздел в книге немецкого философа К. Дюзинга: *Düsing K. Hegel und die Geschichte der Philosophie*. Darmstadt, 1983, посвященный, с одной стороны, гегелевскому образу Канта, а с другой, содержащий скрупулезный анализ литературы вопроса (S. 196–242).

Используя эту литературу, вспомним о других штрихах “образа Канта”, который Гегель начертал именно в анализируемых лекциях.

Ряд принципов критической философии, провозглашенных Кантом, Гегель, с одной стороны, оценил весьма высоко, по существу подхватив и развив их. С другой стороны, Гегель считал необходимым применить эти критические принципы к самой философской мысли Канта.

Это проявилось в подходе Гегеля к целому ряду теоретических решений великого предшественника. Так, о центральной для кантовской трансцендентальной эстетики теории пространства – времени резко сказано, что она “взята из опыта” и что это – “совершенно нефилософский, неправомерный прием”.

Гегель неоднократно давал подобные резкие негативные оценки другим специфически кантовским понятиям и категориям. Он даже раздраженно определил терминологию, да и представления Канта как “варварские” (Ibid. S. 494). Одна из общих оценок Гегеля: «Кант остается замкнутым в пределах психологического *воззрения и эмпирической манеры*». Есть ещё и такая характеристика Гегеля: «Кант в “Критике чистого разума” приступает к делу *психологически*, т. е. *исторически*, он [лишь] *описывает* (перечисляет – *geht durch*) главные ступени теоретического познания. Первой способностью является вообще чувственность, вторую – рассудок, третьей – разум. Эти способности просто перечисляются им, получают им совершенно эмпирически: он не развивает их из понятия и не переходит с необходимостью от одной к другой» (Ibidem).

Ещё одна важная линия гегелевской критики учения Канта именно в историко-философских лекциях состоит в опровержении того, что Гегель называет кантовским “трансцендентальным идеализмом”, имевшим для самого Канта принципиальное значение: ведь Кант – в гегелевском изображении – как раз с помощью такой, для Гегеля принципиально неприемлемой формы идеализма мыслит как минимум разрешить антиномии чистого разума. А учение о них Гегель, к слову, верно расценивает как наиболее интересную сторону философии Канта – тем более в сравнении с “обыденной метафизикой”. Главное, чего Гегель именно в своих анализируемых лекциях не может в данном случае простить Канту, так это (приписываемого Канту самим Гегелем) принижения мощи духа. Сначала, рассуждает Гегель, именно на дух – конечно же, Кантом и конечно же непростительно – возлагается функция неправомерного-де предельного заострения противостояния тезиса и антитезиса (“за” и “против”) и утверждается,

что «все эти противоречия дух берет на себя». Но в результате дух не находит выхода, а потому предстает как «расстройство, сумасшествие в самом себе»⁵³. В английском переводе опять-таки эти принципиальные критические соображения Гегеля, направленные против кантовского трансцендентального идеализма... сокращены!

Примечательно, что как раз в рамках истории философии Гегель, сначала, как мы видели, отметив заслуги Канта в выдвигании, обосновании и прославлении принципа свободы, высказал эти (и иные) резкие замечания в адрес кантовского учения. Не считаться с ними и не осмысливать их, как показывают канто- и гегелеведы, было бы совершенно неверно. В соответствующей специальной литературе показано, что гегелевские критические замечания подчас метко подмечают действительные слабости учения Канта. Но в целом можно отметить и то, что Кант с его “трансцендентальным идеализмом”, “критикой чистого разума” подчас более реалистичен в изображении противоречий, слабостей, ошибок разума, словом, в многостороннем осмыслении духовно-познавательной деятельности, чем Гегель – с его предельно “оптимистическим” объективным” и “абсолютным” идеализмом, вследствие этого обсуждающий и осуждающий философию Канта “с позиций *собственной* философии, её предпосылок”⁵⁴.

3. Философский идеализм как отличие современных Гегелю философских учений немецкой классики

Идеалистический характер учений можно считать фундаментальным отличием наиболее развитых и влиятельных форм немецкой философской классики XVIII–XIX вв. Но и таким профильным теоретико-методологическим поворотом, против которого активно боролись уже на исходе этого периода – как против коренной ограниченности – и немецкие философы иных теоретических ориентаций. Это были, например, мыслители, примыкавшие к идеям, ярко развитым и последовательно защищаемым (сначала) учеником гегельянской школы, но вырвавшимся к материализму Людвигом Фейербахом. Против идеализма Гегеля, высоко ценимого за его диалектику, ополчился и Карл Маркс, испытавший влияние гегельянских школ.

Гегель, разумеется, не мог предвидеть подобного развития философских событий – причем на почве сначала достаточно мощно развернувшегося после смерти учителя гегельянского движения – доста-

⁵³ «Das widersprechende zerstört sich; so ist der Geist zerrütung, Verrücktheit in sich selbst», *Hegel G.W.F. Vorlesungen*. Bd. 3. S. 515.

⁵⁴ См.: *Düsing K. Hegel und die Geschichte der Philosophie*. S. 231, 232–233.

точно содержательного, но в конце концов разбившегося о противоборство школ, все больше увлекавшихся политиканствующей философией. Поэтому разные причины и веяния (неведомые Гегелю) заставляют нас вернуться к спору о немецком идеализме, в частности, к доказательству того, сколько оригинальных для своего времени и теоретических, и практических новшеств воплотили в себе именно *идеалистические акценты и обертоны* гегелевской философии и других современных ей (тогда “новейших”) философских учений. Каковы же они?

1. Во-первых, в философии Гегеля подверглись существенному переосмыслению многие предпосылки, методы и выводы тех разделов историко-философской классики, которые касались духовных сторон развития издревле исследуемых способностей, действий *человеческого индивида как мыслящего субъекта*. Ко времени Гегеля это была не просто четко выделенная, но и достаточно отработанная область философии, уже усвоившая уроки предшествующих противостояний “эмпиризма” и “рационализма”. Но в гегелевской историко-философской интерпретации область “метафизического”, по его мнению, т. е. общепhilosophического, теоретического исследования “субъективного духа” в прежней мысли подверглась существенным перетолкованиям. Каким именно? Она разрослась в обширный, специально осмысляемый (причем иначе, чем у предшественников и многих современников) первый раздел его учения о духе – в специальную *философию субъективного духа*. В свою очередь она подразделялась у Гегеля на “философскую антропологию” (такой термин уже имеется у Гегеля), феноменологию и психологию; развернутое презентирование этой тематики выходит за рамки нашего очерка. Здесь достаточно отметить, что в изображении Гегеля и “субъективный дух” не замыкается в исследовательских рамках традиционной философии, сконцентрировавшейся на “внутреннем мире” *познающего субъекта*, а охватывает и многие “антропологические”, т. е. природно обусловленные, и социально-исторические характеристики духовной деятельности человека и человечества⁵⁵.

⁵⁵ См.: *Bykova M.F. Thinking and Knowing // Bloomsbury Companion to Hegel. London, 2013. P. 225–230; Bykova M.F. Spirit and Concrete Subjectivity in Hegel's Phenomenology // Blackwell Guide to Hegel's Phenomenology of Spirit. Oxford, 2008. P. 272–289; Быкова М.Ф. «Феноменология духа» Гегеля как проект социальной онтологии // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения. М., 2010. С. 291–313.*

Соответственно у Гегеля расставляются новые акценты – иные, чем в догегелевскую эпоху, и даже не характерные для гегелевской современности – при изображении, скажем, французской или английской философии Нового времени. Например, локковскую философию Гегель весьма необычно оценивает как “*метафизицирующий эмпиризм*”⁵⁶. Почему же? Учение Локка – в изображении Гегеля – оказывается тем философским локусом, где, с одной стороны, продолжали свою жизнь и развитие древние истинно метафизические, по Гегелю, понятия – такие, как субстанция, бесконечное, модус, протяжение⁵⁷. (Что, кстати, противоречит более поздним позитивистским трактовкам классического философского “эмпиризма” как некоей антиметафизики).

К такому нестандартному изображению примыкает и такой специфический акцент: Гегель все-таки отводит, скажем, исследованиям Локка (они и в то время чаще всего, и именно в Германии, обобщались под этикеткой “эмпиризма”) специальное место в анализе “духа” (Geist). А именно: заслугу Локка Гегель, с одной стороны, видит в том, что тот описывает “путь являющегося духа” (des erscheinenden Geistes). Не забудем о том, что начиная с «Феноменологии духа» одним из профилирующих сюжетов гегелевских исследований как раз и становится “*являющийся дух*” (со специальным сложнейшим разъяснением того, в чем заключены отличия “духа” как такового, а в частности, “духа являющегося”). Но Гегель, с другой стороны, усматривает ограниченность локковской философии в том, что *Локк-де имеет в виду лишь такую форму духа*. Как бы важна она ни была для философии, изучение и прославление у Локка такой формы духа как главной и единственной, по Гегелю, несправедливо “лишает” дух (конечно, для тех, кто становится адептом только локковской философии) его главных отличий – вездесущия и всемогущества.

В целом Гегель того мнения, что ни Локк, ни французские философы предшествующего периода все-таки не выбираются на уровень анализа “духа” (Geist) в его наиподлиннейших и наисокровеннейших формах. Какие именно главные “формы духа” при этом имеются в виду уже в историко-философской концепции Гегеля?

2. Строго говоря, рассмотрение этих форм не является главным специальным предметом именно истории философии как части гегелевской системы. Теоретически они включены в его “философию объективного духа”, в которой “дух” (Geist) разделяется на “право”

⁵⁶ Hegel G.W.F. Vorlesungen. Bd. 3. S. 348.

⁵⁷ См.: Ibid. S. 348.

(Recht), “моральность” (Moralität), “нравственность” (Sittlichkeit) и исследуется в этих, преимущественно социально-исторических ипостасях. Что же касается “продолжения” гегелевского анализа “духа” под формами “абсолютного духа” – а это искусство, религия, философия, то этом разделе венцом становится философия, что весьма нетипично для прошлых эпох, при рассмотрении высших, по Гегелю, форм духа, т. е. духа, взятого как бы “в себе и для себя”.

Трудность (для трактовки лекций по истории философии) состояла и состоит в следующем: хотя обсуждаемая проблематика объективно и в конечном счете разрабатывалась в произведениях и лекциях Гегеля начиная с раннего периода, целостное содержательное формирование и разъяснение им самого понятия “объективный дух” в его разных ипостасях произошло лишь к 20-м годам XIX в. – как в крупных произведениях («Философия права», «Энциклопедия философских наук»), так и в соответствующих лекционных курсах.

“Объективный дух” и история философии в системе Гегеля.

Прежде всего, надо хотя бы кратко сказать о том, какое место в развитой “философии духа” Гегеля занимает учение об объективном духе. А уж потом можно уточнить вопрос о том, какое отношение – в развитой системе Гегеля – заняли оба дисциплинарных раздела, а именно учение об объективном духе и история философии, каковы отношения между ними.

4. “Объективный дух” и история философии

Проблематика “объективного духа” во всей её целостности и специфике специально не исследуется Гегелем именно в истории философии. Но без хотя бы краткого разъяснения их связи специфика истории философии, а в частности, вопрос об истоках идеалистического характера немецкой классической философии, останутся непонятыми. Далее мы (лапидарно) протянем основные проблемно-содержательные нити, связующие гегелевскую концепцию объективного духа с идеалистическим обертонами немецкой классической философии. В материалистической философии, в особенности покоящейся на традициях вульгаризированного диалектического материализма, они недальновидно списывались именно и исключительно на счет издержек, ошибок гегелевского (и иного) идеализма.

Между тем, в философии Гегеля и других корифеев немецкой классики XVIII–XX вв. запечатлелась прежде всего законная гордость этих философов историческими свершениями, именно “объективными” – intersубъективными, транснациональными, трансти-

рическими – достижениями совсем не фантастического, не вымышленного человеческого “духа” (Geist). Эта философия продолжила, а во многом и революционализировала осмысление специфики, особых форм, возможностей, видов духовной деятельности людей. Она как раз и концертировала в себе глубокие теоретические результаты, у Гегеля и его единомышленников накопленные под эгидой объединенных понятий “объективного” и “абсолютного духа”. Это было исследование разнообразных форм, которые в данном случае требовалось учесть, объединить и изучить; и объекты их изучения во многом оправданно были названы и “объективными”, и “духовными”.

О каких формах идет речь? Прежде всего, они столь же древние, как и ушедшее из состояния варварства относительно цивилизованное человеческое общество. Но Гегель берёт их главным образом в уже сложившемся, “ставшем” виде. Специалисты-гегелеведы высоко оценивают гегелевские идеи, обобщенные в тех понятиях, описаниях, характеристиках сферы “объективного духа”, которые существенно повлияли и на современную ему, и на последующую философию:

«В этом понятии, которое имеет свою историю, простирающуюся вплоть до XX века... – разъясняет Вальтер Йешке, – Гегель с находчивой точностью запечатлевает характер общественной жизни: «“объективный дух” – это духовный мир, в котором “субъективный дух”, и конкретнее – воля становятся объективными, опредмечивающими себя. Благодаря этому формированию понятий подчеркивается результативный характер общественной жизни. Это духовная жизнь, она покоится не на природных отношениях, но на субъективном духе, на *духовности*, которая характеризует человеческую жизнь. Там, где таковая отсутствует, там просто-таки нет, что тривиально, общественных институтов. Право, мораль и нравственность не даются “природой”. Это формы, проистекающие от духа, ближайшим образом – от воли, от свободной воли. Дух есть их “субстанция”, как говорит Гегель»⁵⁸.

В этом разъяснении известного современного гегелеведа верно зафиксировано то, что в системе Гегеля “объективный дух”, опираясь, конечно же, на “субъективный дух” (последний по существу маркирует сумму тех духовных свойств способностей, действий индивидов, которые имеют место благодаря их свободной воле, рассудку и разуму человека), порождает процессы и продукты, немислимые вне *взаимодействия* людей, вне их социальных отношений, а также всего хода истории. Так складываются не отделенные от реальных

⁵⁸ Jaeschke W. Hegel-Handbuch. S. 367–368.

индивидов, а их деятельностью порождаемые и непременно возвращающиеся в миры *индивидов* как исторически обусловленные “миры” сознания и деятельности *множества субъектов* и потому именно *объективно-данные* для непредставимо огромного числа индивидов духовные сферы и результаты человеческой деятельности. Они и в самом деле “опредмечены” (*sind gegenständlich wird* – выражение Гегеля) в как-либо “данных” индивидам общезначимых духовных продуктах (например, в понятиях науки, законах права, произведениях искусства и литературы, нормах морали, творениях других сфер духовной культуры и т. п.). И они же привносятся, именно как нечто объективно-значимое и ценное (тем самым превращаясь в столь же объективные духовные ценности) как в культуру, науку, общение индивидов, так и – в качестве предмета изучения – в совокупность гуманитарных наук и других областей взятой в широком смысле образованности, образования (*Bildung*).

Гегель и другие философы немецкой классики, разумеется, не придумали всё это: философия с древних времен вела свое описание и осмысление мира “идей”, пытаясь выявить их специфику, иногда – именно в силу их “всеобщности” – радикально отрывая их от человеческого мира, “переселяя” в заоблачные дали потустороннего мира, как это сделал Платон.

Для Гегеля и его коллег в немецкой философии особенно характерно не просто раскрытие, а такое возвеличение роли мыслительной деятельности человека и человечества, которое подчас перерастает в её абсолютизацию и именно идеалистическую онтологизацию. Что было основано не просто на акцентировании, а на абсолютизации возрастающей роли духовно-мыслительных результатов жизнедеятельности отдельных индивидов, продуктов *мысли* в человеческой культуре. Вспомним: только к “мышлению” в его высоком смысле Гегель относил “истину” и “истины”, приобретающие всеобщее, т. е. транснациональное и трансисторическое значение (если использовать более поздние термины). Гегель, разумеется, признает, что и вне философии добывается множество результатов, которые тоже являются продуктами мыслительной жизнедеятельности человека. Эти “деяния” (*Werke*) накапливаются, например, в религии, политической истории, “опредмечиваются” в государственном устройстве; в яркой, именно “объективной” духовной форме они воплощаются в результатах искусства и науки. И конечно, “объективный дух” – как многоформные результаты, типы и формы деятельности – во-первых, воплощается в философии, а во-вторых, в ней осмысливается.

Гегель хорошо понимает (и это как будто элементарно), что отнюдь не всякое отдельное философствование и его результаты (идеи, произведения и т. д.) вливаются в совокупную, притом содержательную историко-философскую целостность (подобно тому, как не всякие отдельные деревья составляет единый лес, говорит Гегель). Но, пожалуй, нигде в сфере духа включение в историческую целостность, если и когда оно происходит, не играет столь важную роль, как в науке вообще, философии, в частности⁵⁹. Имеет место лишь относительная самостоятельность отдельных этапов истории философии, лишь вместе составляющих её историю, не оканчивающуюся, пока существует человек. А в целостности воплощается и наиболее глубоко осмысливается “история духа”, в частности, история вершин, которых способна достичь человеческая мысль.

Итак, особая заслуга корифеев немецкой классической философии, Гегеля в особенности, состояла в том, что эти мыслители достаточно глубоко и конкретно рассмотрели духовное – идеи, принципы, ценности и т. д. – уже в контекстах социально-исторической деятельности человека и человечества. Но это – с одной стороны. С другой стороны, они не убереглись от того, чтобы и “объективный дух”, и особенно “абсолютный дух”, и даже мышление изобразить – под влиянием неотъемлемой религиозной составляющей своих философских систем – порождением, в конечном счете, “божественной сущности”, онтологизированного высшего “духа”, “управляющего”-де и миром природы, и миром человеческой духовности. Глубокие, содержательные исследования духовности объединились, следовательно, с идеализмом, который оправданно называют “объективным”, иногда “абсолютным идеализмом”, потому что во главу угла в нем были поставлены, более всего у Гегеля, разновидности “объективного” и ещё выше вознесенного “абсолютного духа”. Последний потому был возведен Гегелем на вершину творений “духа”, что в ипостасях искусства, религии, философии только такой дух, по его несправдному мнению, познает “самого себя в себе самом”.

Если и когда избран такой критерий – познание духом самого себя, – то по-своему оправданным становится предпринятое Гегелем возвышение философии не только над искусством, но даже над религией. И одним из подтверждений такого иерархического расположения Гегелем форм культуры становилось кратко охарактеризованное ранее беспрецедентно глубокое *философское* постижение им и дру-

⁵⁹ Hegel G. W. F. Vorlesungen. Bd. 3. S. 91.

гими классиками немецкой мысли специфики “духа”, т. е. вершин духовной культуры человечества.

Теперь становится более ясным не лишенное противоречий, но все же высокое положение именно истории философии в философской системе Гегеля: её место среди богатства дисциплинарных рубрик философской системы выглядит относительно скромным; вместе с тем, её роль как самого существенного, а именно “увенчивающего” построения в “короне” абсолютного духа не подлежит сомнению.

IX. Место истории философии в системе Гегеля

Нас будет особо интересовать вопрос о том, сколь значительную и в то же время противоречивую роль в системе Гегеля играет именно история философии как ее неотъемлемая часть.

Сначала сформулирую несколько исходных положений, которые в целом касаются гегелевских системных идей и исторической динамики их развития.

1. Системные идеи развивали и предшественники Гегеля, в частности и в особенности четко и твердо они выражены у Канта. В «Критике чистого разума» Кант писал о том, что «идея целого» (*Idee des Ganzen*) для науки – не «обертка», «обложка» для разрозненного «агрегата» сведений и утверждений, а возможность и требование представить это целое в виде связанности главных идей в одной системе (*Zusammenhang in einem System*) (KrV B89)⁶⁰.

2. Гегелевский принцип системности и его реализация во всей их полноте не являются в данной статье специальным предметом обсуждения⁶¹. Вместе с тем, необходимо напомнить об истории вопроса и нижеследующих особенностях формирования, развертывания принципа системности именно в философии Гегеля:

⁶⁰ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. М., 2006. С. 88–90.

⁶¹ Сошлюсь на ряд моих исследований, посвященных принципу системности в работах Гегеля: *Motroschilova N. V.* Das systemprinzip in Hegels Wissenschaft der Logik // Studien zur Geschichte der westlichen Philosophie. Elf Arbeiter jungerer sowjetischen Autoren. Frankfurt am Mein. 1988. S. 182–205; *Motroschilova N. V.* Die Dialektik des Systemprinzip und das Systemprinzip der Dialektik // Hegels Wissenschaft der Logik. Stuttgart, 1986. S. 39–64. Отрадно отметить: вторая работа примыкает к циклу произведений, выполненных в 80–90х гг. XX в. в рамках сотрудничества философов России с ведущими гегелеведами и специалистами по немецкой философии XVIII–XIX вв., членами знаменитого Гегелевского объединения (*Hegel-Vereinigung*). Ряд книг был опубликован на двух языках в ФРГ и в России.

- исторический характер и преемственность формирования, развития и реализации принципа системности; настойчивость Гегеля в разработке как системы в целом, так и ее отдельных разделов;
- беспрецедентная разветвленность системы, глубокая и тоже системная проработанность всех ее отдельных дисциплин, звеньев, что «энциклопедист» Гегель считал одной из своих главенствующих философских целей;
- вместе с тем, готовность, если к тому принудят новые знания и разработки, изменить первоначально выбранное основание системы («Феноменология духа» - в начале пути, «Наука логики – впоследствии, после фундаментальной разработки тоже системно связанных разделов этой философской науки);
- другой важный результат системной динамики – постепенное обогащение целостной системы тонко и специально разработанными разделами, где исследовались социально-исторические, социокультурные проблемы – конечно, под эгидой «философии духа» (субъективный, объективный, абсолютный дух как важнейшие разделы целостной системы) и ее специфических категорий.

Применительно к истории философии как неотъемлемой части системы, с самого начала творческой биографии Гегеля и до конца его жизни регулярно исследуемой и именно через университетское преподавание объективируемой для заинтересованной публики – целесообразно сразу зафиксировать следующее противоречие, касающееся места и роли истории философии в целостной, сформировавшейся гегелевской системе.

С одной стороны и на первый взгляд, роль, которую история философии постоянно играет в рамках этой, как отмечено, беспрецедентно разветвленной и притом целостной системы, может показаться более чем скромной. История философии дисциплинарно включена лишь в одно большое звено системы. А именно: она как бы дает (в лекциях объективируемое) частное приложение к одному из звеньев системы – к разделу «философия», в свою очередь включенному в рубрику «абсолютный дух». Такая систематика вполне реалистично обрисовывает как будто сугубо частное, специальное значение истории философии для философии в целом (соответственно особую специализацию историков философии и их относительно немногочисленность – в каждую эпоху – в совокупном философском сообществе). Но это только одна сторона дела (которую, увы, акцентируют, даже абсолютизируют противники овладения историей философии, в наше время немалочисленные и весьма агрессивные).

Другая сторона дела, которая становится именно в гегелевской философии специально и глубоко проработанной, состоит в следующем. Огромная – по замыслу Гегеля – теоретическая, специальная, культурная роль истории философии, выведенная им, казалось бы, лишь дисциплинарно, из системного фактора, состоит в следующем: раздел «абсолютный дух» (куда входит философия с ее необходимым подразделом – «история философии») не просто завершает, а *увенчивает* все гегелевское системное построение.

Имеет особое значение и тот факт, что в системе Гегеля философия, со своей стороны, венчает все ее системное построение, подобно некоторой короне, на системном «организме» философских дисциплин. И (что неортодоксально для того времени), Гегель ставит философию, а в педагогическом плане именно ее историю, выше искусства и даже выше религии!

Как раз всем сказанным выше о положении, роли истории философии в гегелевской системе философских дисциплин объясним тот хорошо известный факт, документально зафиксированный и подробно раскрытый в этой статье: Гегель – начиная с раннего периода, с начала XIX в. и (с вынужденным жизненными обстоятельствами перерывом в 10 лет) до конца дней своих – систематически читал лекции по истории философии, мысля тем самым увенчать очень важным для него разделом целостный корпус философских наук.

Поддержала ли последующая история философской мысли, включая современный этап, это пусть противоречивое, но несомненное и профильное для системы Гегеля “возвышение” истории философии в целостной системе философских дисциплин? Ответ на этот вопрос снова же выглядит противоречиво.

С одной стороны, “современность” (отчасти XX в. и особенно XXI в.) философского развития отмечена нарастанием “позитивистских” (в широком смысле тенденций) в “новейшей философии”. А эти тенденции, как представляется авторам, которые аттестуют себя как “философы”, вроде бы предполагают, даже “требуют” пренебрежения историей философии со стороны философского сообщества. Иногда вся эта ахинея перерастает в поистине “геростратовские” потуги не только оттеснить изучение и преподавание, а в наиболее крайних ее случаях, фигурально выражаясь, “сжечь” (опорочить) историю философии и в ее современном исполнении.

С другой стороны, вполне ясно: история философии в целостном развитии ее в эпоху Гегеля, и в наше время никогда, даже в трудные времена, не теряла своего поистине фундаментального значения для

развития философской мысли в целом, для осмысления ранних эпох и своей эпохи (участвуя в «схватывании в мысли» и современных, и канувших в прошлое исторических этапов развития человечества).

Частным доказательством этой общей мысли является то, сколь непрерывным и основательным во все эпохи, включая современность, были фундаментальные историко-философские, притом интернациональные исследования философии великого Гегеля.

Х. «Заключительный результат» истории философии в изображении Гегеля

Гегель читал заключительные лекции своих историко-философских курсов 2 марта 1817 г., 14 марта 1818 г., 12 марта 1819 г., 23 марта 1821 г., 30 марта 1824 г., 28 марта 1828 г., 26 марта 1831 г.

Всякий раз это были не только богатые обобщающими идеями, но вдохновенные, красивые завершения курсов, читанных Гегелем для студентов и другой публики в прославленных Гейдельберском, а в основном в Берлинском университетах.

Число слушателей, посещавших его лекции, росло: в 1806 г. на них присутствует лишь 4 человека, а в 1817 г. – уже 70 слушателей! Правда, его лекции по форме и содержанию всегда были очень трудны для студентов. Но среди публики именно в берлинские годы появляются не просто внимательные, но и одаренные слушатели, для которых гегелевская философия становится опорой уже их работы. Вильгельм фон Гумбольдт в одном из писем сообщает, что Гегель в лекциях не намерен ограничиваться лишь сообщением своих идей – он создает, и целенаправленно, свою школу.

Что касается упомянутых лекций по истории философии, то тексты их записей отразили – особенно в заключительной части – не только обобщающий историко-философский талант, но ещё и вдохновение лектора.

Он с подъемом говорил о:

– значительном интеллектуальном, мыслительном эффекте, достигнутом и достигаемом благодаря сложению, взаимодополнительности усилий великих или значительных философов; по Гегелю, “идея познана [ими] в её необходимости, каждая из сторон, на которые она раскалывается, природа и дух, познается как изображение идеи...”» (Ibidem. S. 620)⁶²;

⁶² Hegel G.W.F. Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Bd. 1–3. Leipzig. Philipp Reclam jun., 1971. Bd. 3.

– “примирении мысли, понятия с действительностью”, и это был важный теоретический тезис Гегеля, не имеющий ничего общего с его вульгарным толкованием в смысле примитивного конформизма, а отражающий растущую способность “духа” осваивать именно действительность (S. 621);

– о высокой стадии, которой достиг “мировой дух”, причем под “мировым духом”, поскольку он выражает себя в философии, понимался не некий простенький спиритуалистически-мистический образ; Гегель имел в виду вполне реальный собирательный, длительный интернациональный, т. е. именно всемирный процесс взаимодействия, взаимодополнительности, постепенного сохранения, развития, обогащения принципов, центральных идей, не знающий внешних границ и местных преград исторический процесс работы, “стараний духа”, создающих целый “универсуум” (S. 621)

– о неизбежной продолжительности и трудности создания [всякой репрезентативной] “философии нашего времени”, о работе, на первый взгляд “ленивой и медленной” (только обозреть её по-факту можно относительно быстро); здесь-то Гегель использовал шекспировский (гамлетовский) образ медленно, но хорошо работающего “честного крота” (S. 622);

– о необходимости “почитать старое”, но и понимать то, что как раз благодаря неустанной работе духа, в частности, философского, “настоящее представляет наивысшее”, – но только не в виде “модных философских систем”, а в собирательном качестве “одной философии, находящейся в процессе развития” и реализующейся в качестве “разумного шествия”, движения вперед (Далее Гегель лапидарно суммировал “главные эпохи” истории философии – S. 623 f.)

Гегель объявил свои лекции по истории философии законченными. И снова, уже в других словах, кратко воспроизвел главные свои идеи о примыкании к друг другу подлинных и именно философских учений – и потому об “одной”, в сущности, *единой мировой философии*, т. е. о “процессии духовных формаций философии в их поступательном движении” (S. 629)

«Я хотел бы, – сказал Гегель, – чтобы эта история философии служила для вас призывом уловить тот дух времени, который пребывает в нас природно, сознательно извлечь его, каждый на своем месте, из его природности, т. е. из его безжизненной замкнутости, и вывести его на свет дня» (S. 629). А уж совсем в конце Гегель поблагодарил своих слушателей, как сказано, все более многочисленных и внимательных, за то, что они предоставил и ему возможность “соединиться с ними духовными узами”.

Остаётся пожелать, чтобы благодаря освоению глубоких историко-философских идей и разработок Гегеля возникли “духовные узы” с его философией и у тех сегодняшних читателей, которые неравнодушны к свершениям философского “мирового духа”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Быкова М.Ф.* «Феноменология духа» Гегеля как проект социальной онтологии // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения / Под ред. Н.В. Мотрошиловой. М.: Канон+, 2010. С. 291–313.
- Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии. Кн. 1–3 / Пер. Б.Г. Столпнера // Гегель Г.В.Ф. Сочинения: В 14 т. Т. 9–11. М.; Л., 1935.
- Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Ч. I. Логика. М.; Л., 1929.
- Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках / Immanuel Kant. Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe. Т. II. Кн. 1–2. Критика чистого разума / Под ред. Н.Мотрошиловой, Б.Тушлинга, Т.Б.Длугач, У.Фогеля. М.: Наука, 2006.
- Мотрошилова Н.В.* Путь Гегеля к “Науке логики”. М.: Наука, 1984.
- Мотрошилова Н.В.* Социально-исторические корни немецкой классической философии. М.: Наука, 1990.
- Мотрошилова Н.В.* Отечественная философия 50–80-х годов XX в. и западная мысль. М.: Академический проект, 2012.
- Фишер К.* Гегель. Его жизнь, сочинения и учение. Первый полумтом. М.; Л.: Соцэкгиз, 1933.
- Яковлев А.А.* Завещание Джона Локка, приверженца мира, философа и англичанина. М.: Институт Гайдара, 2013.
- Bykova M.F.* Spirit and Concrete Subjectivity in Hegel’s *Phenomenology* // Blackwell Guide to Hegel’s *Phenomenology of Spirit* / Ed. by K. Westphal. Oxford: Blackwell, 2008, pp. 265–295.
- Bykova M.F.* Thinking and Knowing // Bloomsbury Companion to Hegel / Ed. by A. de Laurentiis and J. Edwards. London, New Delhi, New York, Sidney: Bloomsbury, 2013, pp. 225–230.
- Brucker J.J.* *Historia Critica Philosophiae*, 5 vols. Lipsiae: apud B.C. Breitkopf, 1766 (1767 ed. 6 vols.)
- Collins R.* *The Sociology of philosophy. A Global Theory of Intellectual Change.* Cambridge: Harvard University Press, 1998.
- Duquette D.A.* (ed). *Hegel’s History of Philosophy. New Interpretation.* Albany, NY.: State University of New York Press, 2003.
- Düsing K.* *Hegel und die Geschichte der Philosophie.* Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1983.
- Hegel G.W.F.* *Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie.* Bd. 1–3. Leipzig. Verlag Philipp Reclam jun., 1971.
- Hegel G.W.F.* *Vorlesungen. Ausgewählte Manuskripten und Nachschriften.* Bd. V. Hamburg, 1983.
- Jaeschke W.* *Hegel-Handbuch. Leben–Werk–Wirkung.* Stuttgart, Weimar: J.B. Metzler, 2003.
- Kimmerle H.* *Zur Verhältnis von Geschichte und Philosophie im Denken Hegels // Das Problem der Abgeschlossenheit des Denkens.* Bonn: Bouvier, 1970. S. 301–312.

Kohmer P. Philosophiegeschichte als philosophisches Problem. Kritische Überlegung namentlich zu Kant und Hegel. Freiburg, München: Karl Alber Verlag, 1998.

Michelet K.L. Geschichte der letzten Systeme der Philosophie in Deutschland von Kant bis Hegel. 2 vols. Berlin: Duncker und Humblot, 1837–1938.

Motroschilova N.V. Die Dialektik des Systemprinzips und das Systemprinzip der Dialektik // Hegels Wissenschaft der Logik / Ed. by D. Henrich. Stuttgart: Klett-Cotta, 1986, pp. 39–64.

Motroschilova N.V. Das Systemprinzip in Hegels Wissenschaft der Logik // Studien zur Geschichte der westlichen Philosophie. Elf Arbeiten jungerer sowjetischer Autoren / Ed. by N.V. Motroschilova. Frankfurt a.M.: Surkamp, 1988. S. 182–205.

Motroschilova N.V. 'Phänomen', 'Erscheinung', 'Gestalt', von Hegels Phänomenologie des Geistes in ihrem Bezug zur Philosophie Kants // Phänomene und Analyse, Grundbegriffe der Philosophie des Geistes (1807) / Ed. by W. Högrefe. Würzburg: Königshausen und Neuman, 2008. S. 107–134.

Nicolin G. Hegel in Berichten seiner Zeitgenossen. Hamburg: Felix Meiner, 1970.

O'Malley J.J., Algozin, K.W., Weiss, F.G. (eds.). Hegel and the History of Philosophy. Proceedings of the 1972 Hegel Society of America Conference. The Hague: Martinus Nijhoff, 1974.

Randal C. The sociology of philosophy. A global theory of intellectual change. Cambridge: Harvard University Press, 1998.

Tennemann W.G. Geschichte der Philosophie, 12 vols. Leipzig: J.A. Barth, 1798–1819.

NELLY VASILYEVNA MOTROSHILOVA

DSc in Philosophy, Professor, Chief Research Fellow at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Gonchamaya Str., Moscow, 109240, Russia.

E-mail: motroschilova@yandex.ru.

History of Philosophy in Hegel's System

Abstract: The paper explores Hegel's history of philosophy concept and discusses the main problems closely related to its formation and evolution such as dating of Hegel's "Lectures on the History of Philosophy" and the problems with K.L. Michelet's record of Hegel's lectures. Special attention is paid to Hegel's Introduction to the lectures on the history of philosophy in 1816. The author examines such issues as the concept of the history of philosophy, the beginning of philosophy and its history, periodization and sources of the history of philosophy, the problem of the difference between philosophy and other types of spiritual activity by Hegel. The Hegelian analysis of German philosophical idealism as a contemporary "newest" philosophy is considered. Moreover, the paper discusses the place of the history of philosophy in Hegel's system of philosophical disciplines, while the author analyzes the unprecedented ramification of the development and implementation of systemic principles in Hegel's philosophy. The author shows that the history of philosophy is disciplinary included in one of the great parts of Hegel's system - in the section "philosophy" belonged to the "absolute spirit". The huge theoretical and cultural role of the history of philosophy is evidenced by the fact that the section "absolute spirit" not only completes, but crowns the entire structure of Hegel's system, respectively, and history of philosophy occupies

the highest position in Hegel's philosophical system. Hegel places philosophy – and in its educational function within cultural Bildung, its history – above art and even above religion.

Keywords: history of philosophy, Hegel, Michelet, beginning of philosophy, periodization of the history of philosophy, system of philosophical disciplines.

References

Bykova, M.F. “Spirit and Concrete Subjectivity in Hegel's *Phenomenology*”, in: *Blackwell Guide to Hegel's Phenomenology of Spirit*, ed. by K. Westphal. Oxford: Blackwell, 2008, pp. 265–295.

Bykova, M.F. “Hegel's *Phenomenology of Spirit* as a Project of Social Ontology”, in: *Hegel's Phenomenology of Spirit in Context of the Contemporary Hegel Scholarship*, ed. by N.V. Motroshilova. Moscow: Kanon+, 2010, pp. 291–313 (in Russian)

Bykova, M.F. “Thinking and Knowing”, in: *Bloomsbury Companion to Hegel*, ed. by A. de Laurentiis and J. Edwards. London, New Delhi, New York, Sidney: Bloomsbury, 2013, pp. 225–230.

Brucker, J.J. *Historia Critica Philosophiae*, 5 vols. Lipsiae: apud B.C. Breitkopf, 1766 (1767 ed. 6 vols.)

Collins, R. *The Sociology of philosophy. A Global Theory of Intellectual Change*. Cambridge: Harvard University Press, 1998.

Duquette, D.A. (ed). *Hegel's History of Philosophy. New Interpretation*. Albany, NY.: State University of New York Press, 2003.

Düsing, K. *Hegel und die Geschichte der Philosophie*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1983.

Fisher, K. *Gegel. Ego zhizn', sochineniya i uchenie* [Hegel. His life, works and thought], Vol. 1. Moscow; Leningrad, 1933. (in Russian)

Hegel, G.W.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopaedia of the Philosophical Sciences]. Part I. Logic. Moscow, 1929. (In Russian)

Hegel, G.W.F. *Lektsii po istorii filosofii* [Lectures on the History of Philosophy]. Knigi 1–3, trans. by B.G. Stolpner, in: Hegel, G.W.F. *Sochineniya* [Works], in 14 Vols. Vol. 9–11. Moscow; Leningrad, 1935 (in Russian).

Hegel, G.W.F. *Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie*. Bd. 1–3. Leipzig. Verlag Philipp Reclam jun., 1971.

Hegel, G.W.F. *Vorlesungen. Ausgewählte Manuskripten und Nachschriften*. Bd. V. Hamburg, 1983.

Jaeschke, W. *Hegel-Handbuch. Leben–Werk–Wirkung*. Stuttgart, Weimar: J.B. Metzler, 2003.

Kant, I. *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh* [Works: in German and Russian], ed. by N. Motroshilova & B. Tuschling. Vol. 2. The Critique of Pure Reason. Moscow: Nauka Press, 2006. (In Russian)

Kimmerle, H. “Zur Verhältnis von Geschichte und Philosophie im Denken Hegels”, in: *Das Problem der Abgeschlossenheit des Denkens*. Bonn: Bouvier, 1970, pp. 301–312.

Kohrer, P. *Philosophiegeschichte als philosophisches Problem. Kritische Überlegung namentlich zu Kant und Hegel*. Freiburg, München: Karl Alber Verlag, 1998.

Michelet, K.L. *Geschichte der letzten Systeme der Philosophie in Deutschland von Kant bis Hegel*. 2 vols. Berlin: Duncker und Humblot, 1837–1938.

Motroshilova, N.V. *Put' Gegelia k "Nauke Logiki"* [Hegel's Path to the *Science of Logic*]. Moscow: Nauka, 1984. (in Russian)

Motroschilova, N.V. "Die Dialektik des Systemprinzip und das Systemprinzip der Dialektik", in: *Hegels Wissenschaft der Logik*, ed. by D. Henrich, Stuttgart: Klett-Cotta, 1986, pp. 39–64.

Motroschilova, N.V. "Das Systemprinzip in Hegels *Wissenschaft der Logik*", in: *Studien zur Geschichte der westlichen Philosophie. Elf Arbeiten jungerer sowjetischen Autoren*, ed. by N.V. Motroschilova, Frankfurt a.M.: Surkamp, 1988, pp. 182–205.

Motroschilova, N.V. *Otechestvennaya filosofiya 50–80-h godov 20 veka i zapadnaya mysl* [Russian Philosophy in the 50–80s years of 20th Century and Western Thought]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2012. (in Russian)

Motroshilova, N.V. *Sotsial'no-istoricheskie Kornia Nemetskoj Klassicheskoi Filosofii* [Socio-Historical Roots of German Classical Philosophy]. Moscow: Nauka, 1990. (in Russian)

Motroschilova, N.V. "Phänomen, 'Erscheinung, 'Gestalt, von Hegels *Phänomenologie des Geistes* in ihrem Bezug zur Philosophie Kants", in: *Phänomene und Analyse, Grundbegriffe der Philosophie des Geistes* (1807), ed. by W. Högrefe, Würzburg: Königshausen und Neuman, 2008, pp. 107–134.

Nicolin, G. *Hegel in Berichten seiner Zeitgenossen*. Hamburg: Felix Meiner, 1970.

O'Malley, J.J., Algozin, K.W., Weiss, F.G. (eds.). *Hegel and the History of Philosophy*. Proceedings of the 1972 Hegel Society of America Conference. The Hague: Martinus Nijhoff, 1974.

Randal, C. *The sociology of philosophy. A global theory of intellectual change*. Cambridge: Harvard University Press, 1998.

Tennemann, W.G. *Geschichte der Philosophie*, 12 vols. Leipzig: J.A. Barth, 1798–1819.

Yakovlev, A.A. *Zaveshchanie Dzhona Lokka, Priverzhentsa Mira, Filosofa i Anglichanina* [The Testament of John Locke, an Advocate of Peace, Philosopher and Englishman]. Moscow: Institut Gaidara Publ., 2013. (in Russian)